

Обзор дисциплинарной практики за 2019 год по вопросам, связанным с исполнением адвокатом профессиональных обязанностей

1. Совет прекратил статус адвоката за неисполнение им профессиональных обязанностей перед доверителем, выразившееся в том, что адвокат не явилась без уважительной причины в судебное заседание, в котором иск доверителя был рассмотрен по существу и было постановлено решение, а также не заявила ходатайство об отложении судебного разбирательства, тем самым оставив доверителя без квалифицированной юридической помощи. Оказание адвокатом юридической помощи без заключения соглашения об этом, а также удержание доверенности после окончания оказания юридической помощи, недопустимо.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании с участием заявителя Х. дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. ...возбужденное по жалобам Х. ...и в отношении адвоката В. ... возбужденное по жалобе Х.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 января 2019 г. адвокатом Р. допущены следующие дисциплинарные нарушения:

- неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», профессиональных обязанностей перед доверителем Х., выразившееся в том, что она не явилась без уважительной причины в судебное заседание П. районного суда города Москвы 20 декабря 2017 г., в котором его иск к Департаменту городского имущества города Москвы был рассмотрен по существу и постановлено решение, а также не заявила ходатайство об отложении судебного разбирательства по делу ее доверителя, тем самым оставив своего доверителя Х. без квалифицированной юридической помощи;
- нарушение п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что она не позднее 19 мая 2018 г. после прекращения оказания юридической помощи доверителю Х. не вернула ему доверенность.

В оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. признано Квалификационной комиссией подлежащим прекращению как вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, так и вследствие отсутствия в иных действиях адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В соответствии с тем же Заключением адвокатом В. допущено нарушение п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что она не позднее 19 мая 2018 г. после прекращения оказания юридической помощи доверителю Х. не вернула ему доверенность.

Заявитель жалоб Х. в заседании Совета с Заключением Квалификационной комиссии согласился в полном объеме, дополнительно пояснил Совету, что после такого поведения его адвоката, как неявка в судебные заседания и оставление его без юридической помощи в суде, он потерял доверие к ней и подобным адвокатам.

Адвокат Р. в заседание Совета не явилась. Заключение Квалификационной комиссии, своевременно направленное адвокату Р. по указанному ею адресу, вернулось в Адвокатскую палату города Москвы в связи с неполучением его адресатом. В материалах дисциплинарного производства имеется служебная записка руководителя отдела обеспечения дисциплинарных производств аппарата Адвокатской палаты города Москвы... из которой следует, что адвокат Р. в телефонном разговоре... сообщила, что с Заключением Квалификационной комиссии она не знакома, так как находится на лечении в Х. городской больнице, являться в Адвокатскую палату города Москвы она не будет, просит, чтобы ей более не звонили, не беспокоили, никакого отношения к Адвокатской палате она иметь не хочет, и, если необходимо, пусть ей прекратят ее статус адвоката.

Адвокат В. в заседание Совета не явилась. В материалах дисциплинарного производства имеется служебная записка руководителя отдела обеспечения дисциплинарных производств аппарата Адвокатской палаты города Москвы... из которой следует, что адвокат В. в телефонном разговоре... сообщила, что с заключением Квалификационной комиссии она знакома, но являться в Адвокатскую палату города Москвы не будет, поскольку никакого соглашения с Х. у нее не было, и почему в отношении нее возбуждено дисциплинарное производство, ей не понятно, просила, чтобы ее более не беспокоили звонками и прочими уведомлениями.

...Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав заявителя Х., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства. 5 апреля 2017 г. адвокат Р. заключила с Х. соглашение об оказании юридической помощи, предметом которого указано представление адвокатом Р. интересов Х. в суде первой инстанции по вопросу обжалования решения ДГИ города Москвы. 7 апреля 2017 г. Х. оформил на адвокатов Р. и В. доверенность... которой уполномочил Р. и В. представлять его интересы во всех судебных, административных и правоохранительных органах со всеми правами, какие предоставлены законом заявителю, истцу, ответчику, третьему лицу. В апреле 2017 года адвокаты Р. и В. составили и направили совместное обращение в Департамент городского имущества города Москвы от 14 апреля 2017 г., в котором указали, что к ним «...за юридической помощью обратился гражданин Х.», и попросили «...сообщить информацию о состоянии очереди на предоставление отдельного жилья Х.». К данному обращению они обе приложили свои ордера адвокатов. 18 октября 2017 г. в П. районный суд

города Москвы поступило исковое заявление Х. об обязанности Департамента городского имущества города Москвы предоставить жилое помещение, в котором указывалось, что представителями истца являются Р. и В. Данное исковое заявление было принято П. районным судом города Москвы к производству, гражданскому делу присвоен № ...13 ноября 2017 г. по данному гражданскому делу была проведена беседа, в которой со стороны истца принимала участие адвокат Р., и была определена дата рассмотрения иска Х. по существу – 20 декабря 2017 г. В указанный день по гражданскому делу... состоялось судебное заседание, в котором принял участие истец Х. Его представители, адвокаты Р. и В., участия в судебном заседании 20 декабря 2017 г. не принимали, поскольку на него не явились. Решением П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г. в удовлетворении исковых требований к Департаменту городского имущества города Москвы об обязанности предоставить жилье Х. ему было отказано.

11 января 2018 г. Х. заключил с адвокатом Р. соглашение об оказании юридической помощи. Предметом данного соглашения указано «обжалование решения П. районного суда г. Москвы в Мосгорсуд». 29 января 2018 г. от адвокатов Р. и В., действующих на основании доверенности, в П. районный суд города Москвы поступила краткая апелляционная жалоба на решение П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г., в которой они указали, что полная апелляционная жалоба будет подана после изготовления и получения мотивированного решения. Полная мотивированная апелляционная жалоба на решение П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г. от адвокатов Р. и В. поступила в суд 1 марта 2018 г., была принята к производству и назначена к рассмотрению судом апелляционной инстанции. 18 мая 2018 г. состоялось судебное заседание Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда, в котором была рассмотрена апелляционная жалоба представителей истца Х., Р. и В., действующих на основании доверенности. Ни представители Х., адвокаты Р. и В., ни сам истец Х. в заседании суда апелляционной инстанции 18 мая 2018 г. участия не принимали, что следует из протокола судебного заседания от 18 мая 2018 г. и из апелляционного определения Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 мая 2018 г., представленных в материалы дисциплинарного производства П. районным судом города Москвы. Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 мая 2018 г. по гражданскому делу Х. решение П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г. оставлено без изменения, а апелляционная жалоба представителей истца Х., адвокатов Р. и В. – без удовлетворения.

Распоряжением от 29 ноября 2018 г. об отмене доверенности, удостоверенным в нотариальном порядке, Х. отменил действие доверенности, выданной им адвокатам Р. и В. 17 апреля 2017 г.

В отношении адвоката Р. заявитель Х. в жалобе от 6 октября 2018 г. выдвинул дисциплинарные обвинения в том, что она:

– не включила в исковое заявление «важные и необходимые для верного вынесения решения по делу данные, следовательно, документы в полной мере адвокатом изучены не были»; – не явилась в судебное заседание П. районного суда города Москвы для представления и отстаивания интересов Х.;

– лишь со слов адвоката Р. заявителю Х. стало известно, что адвокат подала апелляционную жалобу на решение суда первой инстанции, но с данным документом Х. по неизвестным ему причинам ознакомлен не был;

– ввела Х. «...в заблуждение, предоставив недостоверную информацию об исходе дела, чем принудила заключить соглашения об оказании юридической помощи...».

После заседания Квалификационной комиссии 28 ноября 2018 г. Х. подал вторую жалобу в отношении адвокатов Р. и В. В данной жалобе содержатся следующие идентичные дисциплинарные обвинения в отношении как адвоката Р., так и адвоката В. в том, что они:

– не вернули ему доверенность;

– не отдали ему «документы по Московскому городскому суду».

Также в данной жалобе Х. просил оказать содействие в возврате ему денежных средств, оплаченных им адвокату Р.

Рассматривая дисциплинарное обвинение, выдвинутое в отношении адвоката Р. по поводу неявки в судебное заседание П. районного суда для представления и отстаивания интересов Х., Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о неисполнении адвокатом Р. своих профессиональных обязанностей перед доверителем. Тем самым адвокатом Р. было допущено нарушение требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», устанавливающего обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя.

Так, адвокат Р., приняв поручение быть представителем Х. в гражданском деле по иску к Департаменту городского имущества города Москвы, не явилась в судебное заседание П. районного суда города Москвы 20 декабря 2017 г., в котором иск доверителя Х. был рассмотрен по существу и по нему было вынесено решение. Причину своей неявки в судебное заседание П. районного суда города Москвы по делу Х. адвокат Р. объяснила тем, что на 20 декабря 2017 г., в 10.30, у нее было назначено судебное заседание К. районного суда города Москвы по продлению срока содержания под стражей ее подзащитного... о чем адвокату Р. сообщили буквально за день. В связи с этим она не могла не участвовать в процессе по указанному уголовному делу, так как без нее как без защитника по соглашению не состоялся бы суд по уголовному делу. Из двух дел, назначенных на одну дату, она выбрала свое участие в уголовном деле в отношении подсудимого А., о чем адвокат Р. сообщила Х. и предложила ему направить судье К. ходатайство об отложении, поскольку она считала, что причина ее неявки должна быть признана уважительной. Оценивая позицию адвоката Р. о причине ее неявки в судебное

заседание П. районного суда города Москвы 20 декабря 2017 г., Совет соглашается с Квалификационной комиссией и признает ее несостоятельной по следующим основаниям. На официальном сайте К. районного суда города Москвы... размещена информация по рассмотрению материала по уголовному делу... из которых усматривается, что 26 октября 2017 г. суд избрал А. меру пресечения в виде содержания под стражей. Иных материалов, содержащих данные о том, что А. продлевался срок содержания под стражей, в том числе 20 декабря 2017 г., на сайте К. районного суда города Москвы не размещено. Из информации по уголовному делу... в отношении А., размещенной на сайте К. районного суда города Москвы, также следует, что по данному уголовному делу в 2017 году состоялись судебные заседания 21, 22, 29 декабря 2017 г. Адвокат Р., утверждая, что она принимала участие в качестве защитника А. в судебном заседании К. районного суда города Москвы 20 декабря 2017 г., не только не представила в материалы дисциплинарного производства документы, подтверждающие данный факт, но и документально не подтвердила, что 20 декабря 2017 г. вообще состоялось судебное заседание по уголовному делу в отношении А. Кроме того, Совет вслед за Квалификационной комиссией учел, что защиту А. осуществляла, кроме адвоката Р., и адвокат В., что следует из приговора К. районного суда города Москвы от 14 марта 2018 г., в котором защитниками обвиняемого А. указаны оба эти адвоката. При таких обстоятельствах утверждение адвоката Р. о том, что без нее не состоялось бы судебное заседание по уголовному делу в отношении А., не соответствует действительности, поскольку защита А. могла быть обеспечена участием его второго адвоката.

Совет также отмечает, что в соответствии с п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката в случае конфликта судебных заседаний адвокат Р. должна была уведомить П. районный суд города Москвы о невозможности своего участия в заседании 20 декабря 2017 г. по уважительной причине, подтвердив при этом документально уважительность причины своей неявки в данное судебное заседание, заявить ходатайство об отложении судебного разбирательства по гражданскому делу Х. и согласовать с судом дату и время следующего судебного заседания по этому делу. Ничего из этого адвокат Р. не сделала, тем самым оставив своего доверителя Х. без квалифицированной юридической помощи.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Р. в части, касающейся указанного дисциплинарного обвинения, опровергнутой, а ее вину установленной.

Рассматривая дисциплинарное обвинение адвокатов Р. и В. в том, что они не вернули доверителю Х. доверенность, которую он выдал им для оказания ему юридической помощи, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии о нарушении адвокатами Р. и В. п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что они не позднее 19 мая 2018 г. после прекращения оказания юридической помощи доверителю Х. не вернули ему доверенность.

Так, материалы дисциплинарного производства свидетельствуют о том, что адвокаты Р. и В. получили от доверителя Х. доверенность от 7 апреля 2017 г., которой они пользовались при исполнении своих обязательств по оказанию ему юридической помощи, подписав в качестве представителей Х. две апелляционные жалобы на решение П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г.

Анализируя содержание доверенности... от 7 апреля 2017 г., которой Х. уполномочил как Р., так и В. представлять его интересы во всех судебных, административных и правоохранительных органах со всеми правами, какие предоставлены законом заявителю, истцу, ответчику, третьему лицу, Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что в соответствии с указанной доверенностью адвокат Р. и адвокат В. осуществляли свои полномочия самостоятельно, а следовательно, и отвечают за свои действия самостоятельно.

Совет разделяет вывод Квалификационной комиссии о том, что, несмотря на отсутствие заключенного между В. и Х. соглашения в простой письменной форме, как это предписано ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», материалы дисциплинарного производства бесспорно свидетельствуют о том, что не позднее 14 апреля 2017 г. адвокат В. приступила к оказанию доверителю Х. юридической помощи и оказывала ее согласно документам, находившимся в материалах дисциплинарного производства, вплоть до подачи мотивированной апелляционной жалобы в интересах доверителя Х., поступившей в П. районный суд города Москвы 7 марта 2018 г., и действовала при этом именно в качестве адвоката.

Адвокат В. в своих письменных объяснениях от 15 января 2019 г. признала факт отсутствия соглашения с доверителем Х. в простой письменной форме, указав при этом, что она, «...если и осуществляла какие-то действия по его гражданским делам, то на добровольной безвозмездной основе». Далее адвокат В. указала, что «...судебная доверенность, которую составил Х., в частности, на адвоката В., наделяет только правами, но никак не накладывает обязанности на адвоката».

Совет, вопреки ошибочной позиции адвоката В., признает установленным, что Х., оформив на нее доверенность, уполномочил ее быть его судебным представителем, тем самым предоставив адвокату В. все права, которые согласно гражданскому процессуальному законодательству предоставлены истцу, ответчику, третьему лицу. Адвокат В. в свою очередь воспользовалась предоставленным ей данной доверенностью правом на судебное представительство интересов Х. и фактически приступила к оказанию ему юридической помощи по его гражданскому делу, чем формализовала свои отношения с Х., осуществив в его интересах конкретные юридически значимые действия, свидетельствующие о том, что между нею и Х. возникли отношения по типу «адвокат–доверитель», которые выразились в подписании адвокатом В. обращения в Департамент городского имущества

города Москвы, к которому она приложила ордер адвоката, указав себя в исковом заявлении в П. районный суд города Москвы в качестве представителя Х., в подписании краткой и полной апелляционных жалоб на решение П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г.

Таким образом, жалоба Х. в отношении адвоката В. при изложенных выше обстоятельствах является допустимым поводом для возбуждения в отношении нее дисциплинарного производства.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, считает необходимым указать адвокату В. на то, что надлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, то есть выполнение обязанности честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, предполагает не только оказание доверителю квалифицированной юридической помощи по интересующему его вопросу, но и строгое выполнение адвокатом предписаний закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения и расторжения соглашения об оказании юридической помощи, соответствовали требованиям законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя.

Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может породить разногласия по поводу объема принятого и/или исполненного поручения, затруднить заявителю защиту данных прав и охраняемых законом интересов, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

Соглашением об оказании юридической помощи от 11 января 2018 г., заключенным адвокатом Р. и доверителем Х., установлено, что предметом данного соглашения стороны определили обжалование решения П. районного суда города Москвы. Как уже отмечено выше, адвокат Р. совместно с адвокатом В. подали мотивированную апелляционную жалобу на решение П. районного суда города Москвы от 20 декабря 2017 г., поступившую в суд 7 марта 2018 г. Если буквально оценивать предмет соглашения от 11 января 2018 г., то после принятия судом к производству апелляционной жалобы обязанность по обжалованию судебного акта первой инстанции адвокатом Р. была исполнена. Если расширительно толковать предмет соглашения об оказании юридической помощи от 11 января 2018 г., то исполнение обязательства адвоката Р. перед доверителем Х. по обжалованию решения П. районного суда города Москвы завершилось вынесением судебного акта судом апелляционной инстанции в судебном заседании 18 мая 2018 г.

Следовательно, удержание адвокатами Р. и В. после этой даты доверенности, которой Х. уполномочил их представлять его интересы в судах, является нарушением п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В своих письменных объяснениях от 24 октября 2018 г. ...адвокат Р. указала, что спустя несколько дней после судебного заседания суда апелляционной инстанции, состоявшегося 18 мая 2018 г., в котором она, по ее утверждению, принимала участие, она передала Х. оригиналы документов и доверенность.

Однако, как следует из материалов дисциплинарного производства, адвокат Р. участия в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда 18 мая 2018 г. не принимала, а это означает, что адвокат Р. в этой части своих письменных объяснений по доводам жалобы Х. привела недостоверную информацию, опровергнутую копиями документов из материалов гражданского дела Х. С учетом данного обстоятельства довод адвоката Р. о том, что она якобы вернула подлинник доверенности Х., Совет также отклоняет как несостоятельный. Документально факт возврата доверенности Х. адвокат Р. не подтвердила.

Кроме того, заявитель Х. вынужден был прибегнуть к такому способу защиты своих прав, как отмена выданной им доверенности, что подтверждается распоряжением от 29 ноября 2018 г. об отмене доверенности, удостоверенным в нотариальном порядке (светокония распоряжения приобщена к материалам дисциплинарного производства).

Как следует из Методических рекомендаций по ведению адвокатского производства (утверждены Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 21 июня 2010 г., Протокол № 5), которые размещены в свободном доступе на официальных сайтах Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации www.fparf.ru и Адвокатской палаты города Москвы www.advokatymoscow.ru/ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»:

– «Во избежание возникновения конфликтов и споров по поводу возможной утраты оригинальных документов адвокатам рекомендуется по возможности не хранить оригиналы предоставленных доверителям документов, а снимать с них копии и помещать их в адвокатское производство. Оригиналы документов целесообразно затребовать у доверителя по мере необходимости, когда они должны быть представлены в суд или иные органы. Рекомендуется также письменно фиксировать передачу таких документов от доверителя адвокату и наоборот» (раздел I);

– «При передаче подлинников документов адвокату, а также при последующем возврате их доверителю адвокату рекомендуется иметь в производстве их перечень и отметку об их получении, а затем о возврате. Наличие таких записей и расписок о получении позволит избежать возможных конфликтов между адвокатом и доверителем» (раздел III).

Адвокаты Р. и В. пренебрегли указанными Методическими рекомендациями и не смогли документально подтвердить факт передачи доверителю Х. доверенности.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвокатов Р. и В. в этой части опровергнутой, а их вину в нарушении требований п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Р. за допущенные нарушения, Совет принимает во внимание, что они совершены умышленно, сопряжены с неисполнением фундаментальных требований законодательства об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, повлекли оставление доверителя без юридической помощи и утрату его доверия к адвокатам. Совет принимает во внимание, что ранее в отношении адвоката Р. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы... уже была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за профессиональную недобросовестность в отношении доверителя. Указанное дисциплинарное взыскание не снято. Кроме того, Совет учитывает позицию адвоката Р. о том, что «...никакого отношения к Адвокатской палате она иметь не хочет», при этом совершенные дисциплинарные нарушения она не признала. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, как в наибольшей степени отвечающую требованию соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности было бы не только несоразмерным характеру и тяжести нарушений, но и могло бы косвенно свидетельствовать о совместимости подобного профессионального поведения со статусом адвоката.

Определяя в соответствии с требованиями п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Р. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката, Совет с учетом всей совокупности приведенных выше обстоятельств, считает необходимым установить этот срок продолжительностью в один год.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката В. за допущенное ею нарушение, Совет принимает во внимание, что оно совершено умышленно, однако учитывает, что адвокат В. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась, тяжких последствий для доверителя в результате ее действий не наступило. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату В. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания, как в наибольшей степени отвечающую

требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно с этим Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о необходимости прекращения настоящего дисциплинарного производства в отношении адвокатов Р. и В. в оставшейся части.

Заявитель Х. не конкретизировал данные, которые, по его мнению, адвокат Р. должна была включить, но не включила в исковое заявление, и не привел конкретные юридически значимые обстоятельства, которые она, по его мнению, не отразила в этом заявлении. Такое дисциплинарное обвинение является неконкретным. Как следует из материалов дисциплинарного производства, составленное и поданное в П. районный суд города Москвы исковое заявление было принято судом к производству, рассмотрено по существу, и по результатам рассмотрения по гражданскому делу Х. ...было вынесено решение. Никаких претензий к содержанию искового заявления со стороны судов первой и апелляционной инстанций предъявлено не было.

Х. также считает, что адвокат Р. ввела его «...в заблуждение, предоставив недостоверную информацию об исходе дела, чем принудила заключить соглашения об оказании юридической помощи...». Однако Х. не указал, какая именно недостоверная информация об исходе дела ему была предоставлена адвокатом Р., и в чем конкретно выразилось принуждение к заключению двух соглашений об оказании юридической помощи.

Также не конкретизирована Х. и претензия в отношении адвокатов Р. и В. в передаче ему «документов по Московскому городскому суду».

Согласно подп. 6 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба, представление, обращение в отношении адвоката должны содержать указание на конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им профессиональных обязанностей.

Жалоба, представление, обращение признаются допустимыми поводами к возбуждению дисциплинарного производства, если они поданы в письменной форме и в них указаны, в частности, обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, сообщением, основывает свои требования и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства, перечень прилагаемых к жалобе, представлению, сообщению документов (подп. 7, 8 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении (в данном случае в пользу адвоката).

Совет отмечает тот факт, что в процессе рассмотрения дисциплинарного производства заявителю было предоставлено время для конкретизации и уточнения его претензий в отношении адвоката Р., в связи с чем рассмотрение дисциплинарного производства было отложено с 28 ноября 2018 г. на 23 января 2019 г. Х. подал вторую жалобу как в отношении адвоката Р., так и в отношении адвоката В., но уточнения и конкретизации своих доводов в части его претензий к содержанию искового заявления, введения его в заблуждение при заключении двух соглашений с адвокатом Р. и в части невозврата ему документов Х. не привел.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Требование заявителя Х. оказать содействие в возврате ему денежных средств, которые он выплатил адвокату Р. в качестве ее гонорара, находится за пределами компетенции дисциплинарных органов Адвокатской палаты города Москвы.

В соответствии с п. 2 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвокатов предметом рассмотрения в дисциплинарном производстве могут быть «поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты».

Таким образом, компетенция Совета и Квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта Российской Федерации строго ограничена и не может быть расширена за счет рассмотрения других вопросов. В случае возникновения разногласий относительно размера выплаченного адвокату вознаграждения все спорные вопросы между адвокатом и доверителем разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Дисциплинарное производство в этой части также подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение заявителя Х. в том, что лишь со слов адвоката Р. ему стало известно о том, что она подала апелляционную жалобу на решение суда первой инстанции, но с данным документом Х. по неизвестным ему причинам ознакомлен не был, Совет вслед за Квалификационной комиссией признает это обвинение несостоятельным, поскольку в письменных объяснениях, поступивших в Адвокатскую палату города Москвы 27 ноября 2018 г. ...Х. указал, что какие-то документы адвокат Р. пересылала ему с использованием мессенджера WhatsApp, но какие точно, он сейчас не помнит, впоследствии эти документы непонятным для него образом исчезли из мессенджера WhatsApp.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Р. в этой части непровергнутой, а

дисциплинарное производство подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2. За ненадлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем и неоднократное сообщение доверителю недостоверных сведений о движении по делу с целью скрыть свое бездействие, а также направление доверителю с той же целью фальсифицированной копии определения суда к адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы ..., рассмотрев с участием адвоката Ш., заявителя И. в закрытом заседании 30 апреля 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Ш., возбужденное по жалобе И. от 17 ноября 2018 г. (вх. № ... от 20.11.2018), установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 10 апреля 2019 г., адвокатом Ш. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем И., выразившееся в том, что она:

(1) в период с 30 декабря 2017 по 06 марта 2018 года не обратилась в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о признании И. банкротом и с целью сокрытия указанного бездействия в декабре 2017 – феврале 2018 года сообщала И. недостоверные сведения о якобы поданном в арбитражный суд заявлении, а также направила последней сфальсифицированную копию определения, якобы вынесенного Арбитражным судом города Москвы 17 января 2018 года по делу № ...;

(2) направив в Арбитражный суд города Москвы 06 марта и 20 апреля 2018 года заявления о признании И. банкротом, не приложила к указанным заявлениям и не предоставила в Арбитражный суд города Москвы впоследствии, в установленные судом сроки, документы, требуемые в соответствии со ст.ст. 37, 213.4. Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», что повлекло возврат заявлений заявителю.

Адвокат Ш. в заседании Совета с выводами, изложенными в Заключении Квалификационной Комиссии, частично не согласилась, в обоснование несогласия указала следующее: (а) сроки подачи в Арбитражный суд города Москвы заявления о банкротстве И. она умышленно затягивала и объясняет длительную неподачу заявления в суд просьбами заявительницы; (б) определения Арбитражного суда города Москвы об оставлении поданных заявлений о банкротстве И. считает незаконными и необоснованными и сожалеет о том, что их не обжаловала; (в) полагает, что ее действия не

ухудшили положения заявительницы, поскольку у нее есть возможность повторно обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве, и все документы для этого у заявительницы имеются. Адвокат Ш. просила Совет учесть, что она молодой адвокат и не имела достаточного опыта в ведении дел о несостоятельности (банкротстве), в связи с чем просила Совет строго ее не наказывать. На вопрос членов Совета, откуда у нее появилось сфальсифицированное Определение Арбитражного суда города Москвы от 17 января 2018 г., которое было предоставлено в материалы дисциплинарного производства заявителем И., адвокат Ш. сообщила, что она не может пояснить, откуда этот документ взялся.

Заявитель И. в заседании Совета с выводами, изложенными в Заключении Квалификационной комиссии от 10 апреля 2019 г., согласилась в полном объеме, дополнительно сообщила Совету следующее: (а) адвоката Ш. ей порекомендовали как опытного адвоката в делах о банкротстве; (б) с заявлением адвоката Ш. о том, что положение заявительницы не ухудшилось, и у нее имеются все документы для подачи в арбитражный суд заявления о собственном банкротстве, не согласна, поскольку у адвоката Ш. были полномочия на сбор всех необходимых документов для предъявления в суд соответствующего заявления, в том числе, полномочия по сбору выписок из Росреестра, однако выписки из Росреестра у И. отсутствуют и адвокатом ей не передавались; (в) адвокат Ш. обещала вернуть 25 000 рублей, внесённые ею за счет заявительницы в депозит Арбитражного суда города Москвы в счет оплаты вознаграждения арбитражному управляющему, однако никаких действий в связи с этим обещанием не выполнила, а деньги так и «висят» на депозите суда, как оплаченные Ш., при этом сама И. не имеет возможности их вернуть. На вопрос членов Совета, откуда у нее появилось сфальсифицированное Определение Арбитражного суда города Москвы от 17 января 2018 г., которое было ею предоставлено в материалы дисциплинарного производства, заявитель И. сообщила, что указанное Определение было прислано ей адвокатом Ш. с помощью мессенджера «WhatsApp». Заявитель И. просила Совет применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, поскольку считает, что адвокат Ш. своими действиями позорит адвокатуру.

Совет, рассмотрев дисциплинарное дело, выслушав его участников, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что 29 октября 2017 года между И. и адвокатом Ш. было заключено Соглашение № ... об оказании юридической помощи, содержащее поручение адвокату Ш. осуществить сбор документов для подачи в арбитражный суд заявления о признании И. банкротом, составление заявления о признании банкротом и представление И. в заседаниях арбитражного суда. Вознаграждение адвоката Ш. было предусмотрено в Соглашении об оказании юридической помощи в размере 60.000 рублей.

Указанная сумма была уплачена И. частично несколькими платежами: 29 октября 2017 года в размере 20.000 рублей, что подтверждается квитанцией; 02 декабря 2017 года в размере 15.000 рублей, что подтверждается распиской адвоката Ш. Несмотря на то, что ее вознаграждение было уплачено не полностью, к исполнению поручения доверителя И. адвокат Ш. приступила: собирала документы, готовила и подавала в Арбитражный суд города Москвы заявления о признании И. банкротом, неоднократно подтверждала свои обязанности по исполнению Соглашения в приобщенной к материалам дисциплинарного производства переписке с И. в мессенджере “WhatsApp”. Таким образом, довод И. о достижении между нею и адвокатом Ш. устного соглашения о рассрочке исполнения обязательств по уплате вознаграждения, что не освобождало адвоката Ш. от исполнения принятого в соответствии с Соглашением поручения, подтверждается материалами дисциплинарного производства. В соответствии с доверенностью, выданной И. 28 октября 2017 года на имя Ш. и иных лиц, удостоверенной нотариусом города Москвы ИЗ., Ш. получила, в том числе, полномочия представлять И. в органах государственной власти и местного самоуправления, а также в различных организациях по вопросу сбора справок, а также вести от имени И. дела в арбитражном суде, связанные с банкротством, с правом подписания заявления о признании И. банкротом и представления доверителя в заседаниях арбитражного суда. То есть, начиная с 28 октября 2017 года, адвокат Ш. располагала полномочиями для получения от государственных органов, коммерческих и некоммерческих организаций документов, которые необходимо было представить в Арбитражный суд города Москвы вместе с заявлением о признании И. банкротом. Электронным письмом от 12 декабря 2017 года И. направила адвокату Ш. копию справки о доходах физического лица, письмом от 18 декабря 2017 года – копию трудового договора, письмом от 28 декабря 2017 года – свидетельство о регистрации по месту пребывания и страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования. В силу положений законодательства о несостоятельности (банкротстве) к заявлению о признании гражданина банкротом также прикладываются документы, подтверждающие уплату государственной пошлины и внесение на депозитный счет арбитражного суда денежных средств для уплаты вознаграждения арбитражному управляющему. Соответствующие средства в размере 300 рублей (государственная пошлина) и 25.000 рублей (вознаграждение арбитражному управляющему) были перечислены И. на счет адвоката Ш., привязанный к банковской карточке, 28 декабря 2017 года. Таким образом, начиная с 29 октября 2017 года у адвоката Ш. имелись процессуальные полномочия, а начиная с 29 декабря 2017 года – предоставленные заявителем И. документы и денежные средства для обращения в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о признании И. банкротом. 06 марта 2018 года адвокат Ш. первый раз обратилась в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о признании И. банкротом. Заявление, поданное в Арбитражный суд города Москвы 06 марта 2018 года,

в связи с непредоставлением требуемых по законодательству о банкротстве документов было определением суда от 16 марта 2018 года по делу № ... оставлено без движения, срок для предоставления документов установлен до 16 апреля 2018 года. В связи с тем, что и в этот срок необходимые документы не были предоставлены, определением суда от 23 июля 2018 года заявление было возвращено заявителю. Второе заявление о признании И. банкротом было подано адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы 20 апреля 2018 года. Из определений Арбитражного суда города Москвы 27 апреля и от 23 июля 2018 года, вынесенных по делу № ... следует, что заявление о признании И. банкротом, поданное адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы 20 апреля 2018 года, было первоначально оставлено без движения на срок до 28 мая 2018 года, этот срок был продлен судом до 06 июля 2018 года, а впоследствии - также возвращено заявителю по причине непредставления ряда документов в нарушение п. 1 ст. 37, ст. 213.4. Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Давая оценку действиям (бездействию) адвоката Ш. применительно к обвинениям И. в несвоевременном оказании юридической помощи, Совет учёл следующие обстоятельства. Как указано выше, начиная с 29 октября 2017 года у адвоката Ш. имелись процессуальные полномочия, а начиная с 29 декабря 2017 года – предоставленные заявителем И. документы и денежные средства для обращения в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о признании И. банкротом. Имеющейся в материалах дисциплинарного производства перепиской между заявителем И. и адвокатом Ш. в мессенджере “WhatsApp” установлено, что адвокат Ш. в сообщениях от 13, 21 ноября, 6 декабря 2017 года сообщала И., что занимается сбором документов в отношении кредиторской задолженности И. перед банками, микрофинансовой организацией, получением документов в ГИБДД, Росреестре, налоговой инспекции. Какие-либо сообщения, запросы от адвоката Ш. заявителю И. о предоставлении недостающих документов отсутствуют. Адвокат Ш. при рассмотрении дисциплинарного производства каких-либо доказательств, подтверждающих, что непредставление в Арбитражный суд города Москвы заявления о признании И. банкротом в период с 30 декабря 2017 года по 05 марта 2018 года было обусловлено неоказанием ей содействия со стороны И. либо какими-либо объективными причинами, не представила. П. 1 ст. 44 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает, что непредставление требующихся по закону документов является основанием для оставления заявления о признании гражданина банкротом без движения. При последующем представлении недостающих документов заявление судом принимается. Таким образом, подача заявления без требующихся по закону документов, в случае их последующего представления, прав и интереса доверителя в скорейшем осуществлении судопроизводства по его заявлению не нарушает, а иногда является наиболее эффективной формой оказания юридической помощи, учитывая разные сроки, необходимые для получения документов. В этой связи, учитывая легальную процессуальную возможность

последующего представления документов, после оставления ранее поданного заявления без движения, у адвоката Ш. не было причин, обосновывающих непредставление заявления о признании И. банкротом в арбитражный суд в период с 30 декабря 2017 года по 05 марта 2018 года. Довод адвоката Ш. о том, что ею было согласовано с И. направление в арбитражный суд заявления «после новогодних праздников, то есть в феврале – марте», Советом признается необоснованным, так как документально он ничем не подтвержден. Заявитель И. такую договоренность отрицает. Более того, как следует из приобщенной к материалам дисциплинарного производства переписки в мессенджере “WhatsApp”, И., начиная с декабря 2017 года, настаивала на скорейшей подготовке и подачу в арбитражный суд заявления о банкротстве.

В связи с изложенным, Совет в полном объеме соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что непредставление адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы заявление о признании И. банкротом в период с 30 декабря 2017 года по 05 марта 2018 года является нарушением предусмотренных в пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и в п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанности адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей и ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителем И.

Совет отдельно обращает внимание на следующее обстоятельство. Из переписки в мессенджере “WhatsApp” между заявителем И. и адвокатом Ш., приобщенной к материалам дисциплинарного производства, идентичность которой с перепиской, содержащейся в смартфоне И., проверена Квалификационной комиссией, следует, что адвокат Ш. неоднократно, начиная с 30 декабря 2017 года, сообщала заявителю И. ложную информацию о якобы поданном ею в арбитражный суд в интересах И. заявлении о признании банкротом. А именно, в сообщении 30 декабря 2017 года адвокат Ш. написала: «...Иск я не подала, поскольку суд не принимал заявления, а в четверг до 13-00 принимал. Я направила заявление почтой. После праздников назначат судебное заседание...». В сообщении от 19 февраля 2018 года, в ответ на вопрос И. об исполнении ее поручения, адвокат Ш. указала: «Иск был подан, но его вернули, заново переподаю...». В ответ на содержащуюся в сообщении от 21 февраля 2018 года просьбу И. прислать «подтверждение возврата иска, это определение суда...» адвокат Ш. в сообщении от 27 февраля 2018 года, прикладывая скан-копию документа, указала: «это определение, которое прислали по почте в начале февраля на мой адрес регистрации. Соответственно, сроки упущены и заявление было возвращено» и далее «извините, что так долго, искала фотографии определения на Гугл диске». В сообщении от 01 марта 2018 года адвокат Ш., комментируя текст ранее направленного И. определения, указывает «...фин. управляющий был указан

в заявлении, но не указаны его инициалы (по закону не обязательно), в доверенности мы его не прописывали, это было не нужно; доверенность плохо читаема – не могу сказать почему, я прикладывала копию, скорее всего обездвигили формально, не успела исправить недостатки, поскольку узнала об этом поздно (определение было направлено мне домой по месту регистрации)...». В распечатке переписки, приобщенной к материалам дисциплинарного производства, текст документа, направленного адвокатом Ш. в адрес И. в сообщении от 27 февраля 2018 года, нечитаем. При рассмотрении материалов дисциплинарного производства в заседании Квалификационной комиссии обозреть содержание этого документа в смартфоне И. не представилось возможным по техническим причинам, связанным с состоянием смартфона И. на момент рассмотрения дисциплинарного производства. Вместе с тем И. предоставила текст документа, с ее слов, содержащегося в полученном от адвоката Ш. 27 февраля 2018 года сообщении, который был ею распечатан ранее. Это вынесенное судьей Арбитражного суда города Москвы К. 17 января 2018 года определение по делу № ... об оставлении без движения поданного в Арбитражный суд города Москвы 11 января 2018 года заявления о признании И. банкротом по причине неуказания кандидатуры арбитражного управляющего (фамилия, имя, отчество, арбитражного управляющего, наименование и адрес саморегулируемой организации, членом которой он является), наименования и адреса саморегулируемой организации, из числа членов которой должен был быть утвержден конкурсный управляющий, а также в связи с тем, что приложенная к заявлению доверенность на имя подписавшей заявление Ш. предоставлена в нечитаемом виде и в установленном порядке не заверена. В разделе «Картотека дел» официального портала Арбитражного суда города Москвы в сети «Интернет» по адресу <www.msk.arbitr.ru> информация о вынесении Арбитражным судом города Москвы указанного выше определения отсутствует. Из ответа Руководителя секретариата Председателя суда О. следует, что дело № ... в производстве Арбитражного суд города Москвы отсутствует. Таким образом, определение, якобы вынесенное судьей Арбитражного суда города Москвы К. 17 января 2017 года по делу № ... об оставлении поданного заявления о признании И. банкротом без движения, фактически не выносилось, его текст является фальсифицированным.

Адвокат Ш. при рассмотрении дисциплинарного производства настаивала, что она дважды обращалась в арбитражный суд с заявлениями о признании И. банкротом: 06 марта и 20 апреля 2018 года. Предоставление И. ложной информации относительно направления в Арбитражный суд города Москвы заявления в декабре 2017 года и результатах его рассмотрения в январе 2018 года, как и направление И. фальсифицированного определения, якобы вынесенного судьей К. 17 января 2018 года, адвокат Ш., отрицала. Вместе с тем, как-либо объяснить содержание своей переписки с И., где она 30 декабря 2017 года сообщала о направленном в Арбитражный суд города Москвы заявлении, а впоследствии, 21, 27 февраля и 01 марта 2018 года

сообщала об оставлении его без движения и возврате ровно по тем основаниям, которые указаны в тексте фальсифицированного определения, якобы вынесенного 17 января 2018 года судьей К., адвокат Ш. затруднилась. Никакого иного контекста или предмета обсуждения с И., в рамках которого адвокатом Ш. могли быть направлены изложенные выше сообщения, ею не представлено.

На основании изложенного, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, считает установленным то обстоятельство, что адвокат Ш. в целях сокрытия указанного выше ненадлежащего исполнения ею профессиональных обязанностей перед доверителем И. в период времени с 30 декабря 2017 года по 06 марта 2018 года сообщала последней заведомо недостоверные сведения относительно направления заявления о признании И. банкротом в Арбитражный суд города Москвы, результатах его рассмотрения судом, а также направила И. фальсифицированный текст определения Арбитражного суда города Москвы от 17 января 2018 года.

Давая оценку действиям адвоката Ш. применительно к дисциплинарным обвинениям в некачественном оказании юридической помощи, что выразилось в том, что подготовка адвокатом Ш. заявления о признании И. банкротом длилась чрезвычайно длительное время, а поданные адвокатом Ш. в интересах И. в Арбитражный суд города Москвы заявления о признании банкротом сначала были дважды оставлены без движения, а потом возвращены ввиду того, что к ним не были приложены документы, требуемые в соответствии с законодательством, Совет учёл следующие обстоятельства. Адвокат Ш. обращалась с заявлениями о признании И. банкротом дважды. Первое заявление, поданное в Арбитражный суд города Москвы 06 марта 2018 года, в связи с непредставлением требуемых по законодательству о банкротстве документов было определением суда от 16 марта 2018 года оставлено без движения, срок для предоставления документов установлен до 16 апреля 2018 года. В связи с тем, что и в этот срок необходимые документы не были предоставлены, определением суда от 23 июля 2018 года заявление было возвращено заявителю. Отсутствие указанных в Определении Арбитражного суда города Москвы документов дополнительно подтверждается имеющимся в материалах дисциплинарного производства актом, составленным 06 марта 2018 года сотрудниками канцелярии Арбитражного суда города Москвы. Второе заявление о признании И. банкротом, поданное адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы 20 апреля 2018 года, также в связи с отсутствием необходимых по законодательству документов определением суда от 27 апреля 2018 года было оставлено без движения, срок устранения недостатков был установлен до 28 мая 2018 года. На основании поданного адвокатом Ш. от имени И. ходатайства определением суда от 06 июня 2018 года срок на устранение недостатков заявления был продлен до 06 июля 2018 года. Впоследствии, в связи с тем, что отсутствующие документы так и не были представлены, определением суда от 23 июля 2018 года второе поданное адвокатом Ш. заявление было возвращено

заявителю. Отсутствие перечисленных в определении суда документов на момент предъявления в Арбитражный суд города Москвы заявления о признании И. банкротом 20 апреля 2018 года также подтверждается имеющейся в материалах дисциплинарного производства копией указанного заявления с отметкой Арбитражного суда города Москвы в принятии, на третьей странице которого содержится перечень приложений с проставленными сотрудником суда отметками об их наличии.

Совет, как и Квалификационная комиссия, критически относится к утверждению адвоката Ш. о том, что все необходимые документы ею были представлены в Арбитражный суд города Москвы, так как их непредставление подтверждается вынесенными судом определениями, которые адвокатом Ш. обжалованы не были, хотя соответствующие полномочия по доверенности, выданной И., у нее имелись. Часть из перечисленных в определении суда документов, а именно, документы, подтверждающие наличие задолженности, основания ее возникновения и неспособность гражданина удовлетворить требования кредиторов в полном объеме, а также документы, подтверждающие наличие или отсутствие у гражданина статуса индивидуального предпринимателя, сведения о состоянии индивидуального лицевого счета застрахованного лица, могли быть получены адвокатом Ш. на основании имеющейся у нее доверенности. Другая часть документов, включая копию страхового свидетельства, копию паспорта И., могли быть получены адвокатом Ш. от И. При этом, как подтверждается приобщенной к материалам дисциплинарного производства электронной перепиской, копия страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования № ... была направлена И. адвокату Ш. по электронной почте 28 декабря 2017 года.

Отсутствуют какие-либо разумные объяснения непредставления адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы вместе с заявлением о признании И. банкротом 06 марта 2018 года списка кредиторов и должников, а также описи имущества должника, по форме, утвержденной регулирующим органом. Как следует из электронной переписки, проекты этих документов были подготовлены адвокатом Ш. еще в декабре 2017 года, и 28 декабря 2017 года они направлялись И. по электронной почте. Впоследствии указанные документы были предоставлены адвокатом Ш. в арбитражный суд вместе с заявлением от 20 апреля 2018 года. Кроме того, не существует разумных объяснений непредставления адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы, вместе с заявлением от 06 марта 2018 года, доказательств уплаты государственной пошлины, а также внесения на депозитный счет суда денежных средств на уплату вознаграждения финансовому управляющему. Как было установлено, соответствующие средства были перечислены И. адвокату Ш. 28 декабря 2017 года. Аналогичным образом отсутствовали какие-либо объективные препятствия для направления копии заявления от 06 марта 2018 года кредиторам. Однако ничего этого адвокатом Ш. сделано не было. Изложенные пороки заявления, поданного адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы 06 марта 2018 года, дают основания

полагать, что уже при его предоставлении адвокат Ш. не рассчитывала на рассмотрение указанного заявления судом, а обратилась с указанным заявлением лишь с целью продемонстрировать заявителю И. совершение действий по исполнению принятого поручения.

Версия адвоката Ш. о том, что это сама И. просила ее не прикладывать к заявлению о признании банкротом от 06 марта 2018 года требуемые по закону документы, никакими доказательствами не подтверждена. И. данное обстоятельство отрицает.

Довод адвоката Ш. о том, что она не представила в арбитражный суд сведения о доходах И. в связи с их отсутствием, является необоснованным, так как И. выданной доверенностью наделила адвоката Ш. полномочиями на представление, в том числе, в налоговых органах. В сообщениях, направленных И. 15 июня 2018 года посредством мессенджера “WhatsApp”, адвокат Ш. указывала, что занимается получением справки из ФНС, и обещала прислать ее И.

Несмотря на неоднократные предложения Квалификационной комиссии, адвокат Ш. не представила какие-либо доказательства того, что она просила И. представить документы, из-за отсутствия которых заявления о признании банкротом были возвращены арбитражным судом, и разъясняла последствия их непредставления.

Изложенное бездействие адвоката Ш., которая не представила как вместе с заявлениями о признании И. банкротом, поданными в Арбитражный суд города Москвы 06 марта и 20 апреля 2018 года, так и впоследствии документы, предусмотренные ст. 37 и ст. 213.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», вследствие чего поданные заявления были возвращены судом, является нарушением предусмотренных в пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и в п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанностей адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей и ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителем И.

При указанных обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Ш. в части указанных выше дисциплинарных обвинений опровергнутой, а её умышленную вину в совершении вышеуказанных нарушений установленной. Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката Ш. за совершённые нарушения, Совет принимает во внимание, что они являются умышленными и грубыми, сопряжены с неисполнением фундаментальных требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, повлекли оставление доверителя И. без квалифицированной юридической помощи в течение

продолжительного времени, что фактически означает предательство её интересов. Ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей адвокатом Ш. повлекло для заявителя И. негативные последствия, а именно: в течение длительного времени заявление о банкротстве заявителя не было подано, И. лишена возможности вернуть внесённые адвокатом Ш. в депозит Арбитражного суда города Москвы денежные средства. Совет также отмечает, что недопустимое профессиональное поведение адвоката Ш., выраженное в бездействии по заключённому с И. соглашению, было сопряжено с сокрытием указанного бездействия сообщением И. недостоверных сведений о якобы поданном в арбитражный суд заявлении, а также направлением ей фальсифицированной копии определения, якобы вынесенного Арбитражным судом города Москвы 17 января 2018 года по делу № ..., что наносит вред авторитету адвокатуры и направлено к подрыву доверия к ней. Между тем, «Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокату», а «Злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката» (п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката). С учётом совокупности указанных обстоятельств Совет считает действия адвоката Ш. несовместимыми со статусом адвоката и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, как в наибольшей степени отвечающей требованию соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности Совет считает невозможным ещё и по той причине, что это давало бы основание считать подобное поведение допустимым для адвоката.

Определяя, в соответствии с требованиями п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, срок, по истечении которого Ш. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката, Совет, с учётом всей совокупности приведённых выше обстоятельств, а также с учётом того, что ранее адвокат Ш. к дисциплинарной ответственности не привлекалась, считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 2 (два) года.

3. Совет прекратил статус адвоката за злоупотребление доверием и предательство интересов доверителя.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании 30 октября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката К. ...возбужденное по жалобам Б. от 17 июня, 5 и 16 сентября 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 25 сентября 2019 г. адвокатом К. допущены:

– нарушение п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в том, что он без ведома и соответствующего поручения Б., действующей в своих интересах и интересах своего несовершеннолетнего сына Х., в период с 15 марта по 10 апреля 2018 г. принял участие в рассмотрении Б. районный судом города Москвы гражданского дела... по иску ООО «...» к Х. и Б., действуя как их представитель, использовав при этом доверенность от 25 марта 2016 г., которая ранее ему была выдана с целью оказания Б. и ее несовершеннолетнему сыну Х. квалифицированной юридической помощи, и намеренно не предпринял достаточных действий для защиты прав и интересов Б. и ее несовершеннолетнего сына Х., фактически действуя в интересах их процессуального оппонента ООО «...»;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б., которое выразилось в том, что после завершения оказания в 2017 году юридической помощи доверителям Б. и Х. он не вернул им ранее выданную на его имя доверенность от 25 марта 2016 г., удостоверенную нотариусом города Москвы...

Вместе с тем Квалификационной комиссией в Заключении от 25 сентября 2019 г. сделаны выводы о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения в том, что адвокат К. инициировал предъявление Ш. иска к Б. в Л. районный суд города М. Республики... а затем без ведома и поручения со стороны Б. представлял ее при рассмотрении судом исковых требований Ш., вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, а также о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. и заявительница Б. в заседание Совета не явились, явку представителей не обеспечили.

...Совет, рассмотрев дисциплинарное дело, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что Б. первоначально обратилась к адвокату К. в связи с необходимостью защиты ее прав и интересов, а также прав и интересов несовершеннолетнего Х. в наследственных правоотношениях, возникших в связи со смертью Х.И., который являлся Б. мужем, а Х. – отцом. Между Б. и адвокатом К. были заключены два соглашения об оказании юридической помощи. В соответствии с п. 1.2 Соглашения (договора) абонентского юридического обслуживания от 5 марта 2013 г. адвокат К. принял поручение об оказании юридической помощи, связанной со вступлением Б. в наследство покойного Х.И. В п. 1.1 Соглашения (договора) оказания юридических услуг от 20 сентября 2013 г. его предмет сформулирован следующим образом: «оказывать юридические услуги претензионной работе, по представительству

в судах первой, апелляционной инстанции, службе судебных приставов и пр. по поданному на Заказчика искового заявления от Х., М., Ф.». Действуя как представитель Б., адвокат К. принимал участие в рассмотрении следующих гражданских дел: № 02-5... по иску Б. к М. о признании права на обязательную долю в наследстве покойного Х.И., которое находилось в производстве П. районного суда города Москвы в период с 27 июня по 30 ноября 2016 г., № 2-1... по иску компании «...» к Ба., Б. (действующей в интересах несовершеннолетнего Х.), М., Ф., Х.С., о взыскании денежных средств с наследников покойного Х.И. по обязательствам наследодателя, которое находилось в производстве П. районного суда города С. в период с 22 сентября 2014 г. по 15 августа 2016 г., № 2-5... по иску В. к Б-й, Б., М., Ф., Х.С. о взыскании денежных средств с наследников по обязательствам покойного Х.И., которое в период с 16 марта по 29 мая 2017 г. находилось в производстве Б. районного суда Н. области. Для участия в рассмотрении указанных дел Б., действуя от себя лично, а также от имени несовершеннолетнего Х., выдала адвокату К. несколько нотариально удостоверенных доверенностей. А именно, Б., действуя от имени несовершеннолетнего Х., выдала на имя адвоката К. доверенность от 9 ноября 2015 г., наделив последнего правами представителя в судебном разбирательстве. В материалы дисциплинарного производства текст этой доверенности не представлен, однако факт ее выдачи подтверждается представленным распоряжением об отзыве этой доверенности, подписанным Б. от имени Х. 21 августа 2017 года. 25 марта 2016 г. Б., действуя от себя лично, а также от имени несовершеннолетнего Х., выдала адвокату К. доверенность с правом представления в судебных, административных и правоохранительных органах. Текст указанной доверенности, как и распоряжения Б. и Х., в лице Б. о ее отмене, датированные 24 мая 2018 г., имеются в материалах дисциплинарного производства. Доверенность от 22 августа 2017 г., выданная Б. на имя адвоката К., в материалах дисциплинарного производства отсутствует. Однако факт ее выдачи подтверждается представленным распоряжением об отмене указанной доверенности, подписанным Б. 30 августа 2017 г. Оказывая юридическую помощь Б. и Х., адвокат К. получил информацию о характере правоотношений, сложившихся в связи с наследованием Х. имущества покойного Х.И., в частности, о приобретении Х. в порядке наследования доли в праве общей долевой собственности на нежилое помещение, расположенное по адресу: город Москва, улица... дом.. корпус... 26 января 2018 г. в Б. районный суд города Москвы от ООО «...» поступило исковое заявление о взыскании с Б., действующей в интересах несовершеннолетнего Х., и с самого Х. задолженности, возникшей из договора подряда № 38-рн от 2 ноября 2016 г., подписанного между Х. и ООО «...», предметом которого являлось выполнение последним работ по ремонту нежилого помещения, расположенного по адресу: город Москва, улица... дом... корпус... 13 февраля 2018 г. указанное заявление было принято судом к производству. 15 февраля 2018 г. судом была проведена беседа со сторонами, а 10 апреля 2018 г. –

судебное заседание, завершившееся постановлением судом решения о взыскании с Х. в лице Б. (суммы № 1) рублей задолженности по договору, (суммы № 2) рублей неустойки и (суммы № 3) рублей расходов по государственной пошлине. Как следует из протокола судебного заседания от 10 апреля 2018 г. и не оспаривается адвокатом К., он участвовал при рассмотрении указанного дела, действуя в качестве представителя Б. и Х. на основании доверенности от 26 марта 2016 г.

Давая оценку действиям адвоката К. применительно к дисциплинарным обвинениям в том, что адвокат К. участвовал при рассмотрении Б. районным судом города Москвы дела по иску ООО «...» о взыскании с Б., действующей в интересах несовершеннолетнего Х., и с самого Х. задолженности, возникшей из договора подряда № 38-рн от 2 ноября 2016 г., подписанного между Х. и ООО «...», без ведома и в отсутствие соответствующего поручения с ее стороны, а также в том, что при рассмотрении этого дела адвокат К. намеренно действовал вопреки интересам Б. и Х., способствуя постановлению судебного акта о взыскании с них денежных средств, Совет учел следующие обстоятельства.

Адвокат К. в письменных объяснениях, предоставленных Квалификационной комиссии, указывал, что он участвовал в рассмотрении дела в Б. районном суде города Москвы по просьбе Б. и Х., предпринимая необходимые действия по защите их прав и интересов.

В соответствии с п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основании соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом. Адвокатом К., несмотря на соответствующее предложение Квалификационной комиссии, соглашение об оказании юридической помощи, на основании которого им осуществлялось представительство Б. и Х. при рассмотрении указанного выше дела в Б. районном суде города Москвы, не представлено. В письменных объяснениях, данных Квалификационной комиссии, адвокат К. указывал, что представительство Б. и Х. в Б. районном суде города Москвы им осуществлялось на основании ранее заключенных с Б. соглашений об оказании юридической помощи. Вместе с тем в соглашениях от 5 марта и 20 сентября 2013 г. содержатся указания на конкретные поручения, принятые адвокатом К. в соответствии с этими соглашениями: оказание юридической помощи, связанной со вступлением Б. в наследство покойного Х.И. и представительство Б. в споре с участием Х., М., Ф. Указанные соглашения заключены между адвокатом К. и Б. за четыре с половиной года до рассмотрения Б. районным судом города Москвы исковых требований ООО «...» к Б. и Х.

Адвокатом К. не представлено никаких доказательств того, что Б. в какой-либо форме обращалась к нему с просьбой об участии в гражданском деле по иску ООО «...». Более того, объяснения адвоката К. о том, что в 2018 году он

осуществлял представительство Б. и Х. при рассмотрении требований ООО «...» в Б. районном суде города Москвы по «просьбе» Б., противоречат той части объяснений адвоката К., где им указано, что в 2016 году вследствие возникших у него подозрений в адрес В., Ч. и Б. в совершении преступления (подделка подписи), он, руководствуясь п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», был вынужден отказаться от оказания юридической помощи Б. и Ч. Объяснения адвоката К. о прекращении оказания юридической помощи Б. в 2017 году соответствуют позиции заявительницы Б., которая также указывает, что адвокат К. прекратил оказывать ей юридическую помощь начиная с августа 2017 года. В качестве мотива прекращения работы с адвокатом К. Б. указывает, что он предлагал ей разного рода «сомнительные схемы» ведения бизнеса. Намерение Б. прекратить осуществление представительства ее и несовершеннолетнего Х. адвокатом К. подтверждается фактом отзыва ею 21 и 31 августа 2017 г. двух ранее выданных на имя адвоката К. доверенностей.

Учитывая пояснения участников дисциплинарного производства о характере взаимоотношений, сложившихся между адвокатом К. и Б., Совет отклоняет как надуманные доводы адвоката К. об обращении к нему Б. в 2018 году по поводу ее представительства при рассмотрении гражданского дела по иску ООО «...» в Б. районном суде города Москвы и о даче адвокатом К. согласия представлять Б. и Х. в указанном деле, тем более без заключения отдельного соглашения об оказании этой юридической помощи.

Специальная доверенность на представление Б. и Х. в Б. районном суде города Москвы адвокату К. не выдавалась. Он участвовал при рассмотрении дела на основании доверенности, выданной двумя годами ранее, 25 марта 2016 г., носящей общий характер, которая в нарушение п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката не была им возвращена Б. после завершения исполнения ею поручений в 2017 году.

Указанную доверенность Б., действуя от себя лично, а также от имени несовершеннолетнего Х., отозвала 4 мая 2018 г., чем косвенно подтверждается ее версия о том, что ранее эта доверенность не была отозвана по забывчивости, а действия по ее отзыву она предприняла после получения информации о ее использовании адвокатом К. вопреки интересам доверителей.

Совет также принял во внимание объяснения Б. о том, что о наличии в производстве Б. районного суда города Москвы гражданского дела по иску ООО «...» она узнала из базы информации о судебных делах, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», 22 марта 2018 г., то есть после того, как по делу 15 марта 2018 г. была проведена беседа и значительно раньше 10 апреля 2018 г., когда по делу судом было проведено единственное заседание, по результатам которого суд постановил решение о взыскании с Б. и Х. денежных средств. Б. ознакомилась с материалами дела до судебного заседания, имевшего место 10 апреля 2018 г., была осведомлена о характере требований ООО «...» и о том обстоятельстве, что от ее имени в рассмотрении дела участвует адвокат К. Вместе с тем никаких действий по

прекращению полномочий адвоката К. она не предприняла, в судебное заседание с целью заявления возражений против исковых требований ООО «...» не явилась и иного представителя не направила. Данное обстоятельство могло бы свидетельствовать о том, что адвокат К., участвуя в судебном разбирательстве в Б. районном суде города Москвы, действовал как минимум с согласия Б. В то же время Б. в жалобе и ее представитель Ч. в устных объяснениях, данных Квалификационной комиссии, указанное обстоятельство объяснили следующим образом. После ознакомления Б. с материалами гражданского дела по иску ООО «...», находящегося в производстве Б. районного суда города Москвы, Б. и ее доверенное лицо Ч. сделали вывод о попытке совершения в отношении Б. и Х. противоправных действий. В связи с данными обстоятельствами Ч. 9 апреля 2018 г., накануне судебного заседания, назначенного на 10 апреля 2018 г., обратился с заявлением в органы внутренних дел. Светокопия первого листа заявления Ч., адресованного начальнику ГУ МВД России по городу Москве... с талоном-уведомлением... подтверждающим получение указанного заявления органами внутренних дел 9 апреля 2018 г., в 18.09, приобщена к материалам дисциплинарного производства. Со слов Ч., непосредственно после передачи заявления в органы внутренних дел он имел беседу с оперативными сотрудниками, которые посоветовали ему и Б. 10 апреля 2018 г. в судебное заседание не являться и иного представителя не направлять, чтобы признаки преступных деяний в действиях лиц, на которых указывали Б. и Ч., приобрели бы большую степень выраженности. Кроме того, Ч. не предполагал, что решение будет постановлено Б. районным судом города Москвы в первом же судебном заседании. Такое объяснение бездействия Б. и Ч. Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает достоверным, поскольку после постановления Б. районным судом города Москвы 10 апреля 2018 г. решения по исковым требованиям ООО «...» Б. отозвала доверенность, выданную адвокату К., выдала доверенность другому представителю, который от имени Х. обратился с апелляционной жалобой на указанное решение суда, мотивировав жалобу недобросовестностью адвоката К., представлявшего Х. при рассмотрении дела, неизвещением Б. о месте и времени рассмотрения дела вследствие неверного указания в исковом заявлении адреса ответчиков, подложностью договора подряда, на котором ООО «...» основывало исковые требования. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда от 14 марта 2019 г. решение Б. районного суда города Москвы от 10 апреля 2018 г. было отменено, производство по делу прекращено в связи с ликвидацией ООО «...» как юридического лица.

Адвокат К. в объяснениях, данных Квалификационной комиссии, свою причастность к оформлению договора подряда и иных документов между Х. и ООО «...» отрицал. Вместе с тем в материалы дисциплинарного производства предоставлены акты приема-передачи ключей от помещения, расположенного по адресу: город Москва, улица... дом... корпус... подписанные 3 ноября и 27

декабря 2016 г. адвокатом К., действующим в качестве представителя Х., и представителем ООО «...».

Анализируя процессуальную позицию адвоката К. при рассмотрении требований ООО «...», Квалификационная комиссия в Заключении от 25 сентября 2019 г. отметила нижеследующие обстоятельства.

Как следует из искового заявления ООО «...» и постановленного Б. районным судом города Москвы 10 апреля 2018 г. решения, требования ООО «...» были обоснованы договором подряда № 38-рн от 2 ноября 2016 г., а также подписанными его сторонами актами выполненных работ от 12 ноября и 25 декабря 2016 г.

В материалы дисциплинарного производства представлен отзыв на исковое заявление, поданный 12 марта 2018 г. в Б. районный суд города Москвы от имени Б. и Х. и подписанный от имени Б., которая в своей жалобе и дополнениях к ней указывает, что ее подпись на отзыве является поддельной, данный документ она не подписывала. Поскольку отсутствуют какие-либо доказательства того, что отзыв на исковое заявление ООО «...» был представлен в Б. районный суд города Москвы адвокатом К., утверждать о фальсификации подписи Б. на отзыве именно адвокатом К. нет оснований. Вместе с тем, как следует из протокола судебного заседания Б. районного суда города Москвы от 10 апреля 2018 г., а также из текста судебного решения, адвокат К. возражал против требований ООО «...», излагая позицию, содержащуюся в отзыве на исковые требования, а потому он несет ответственность за ее обоснованность и достаточность для защиты интересов Б. и Х. Возражая против требований ООО «...» об оплате стоимости выполненных работ в размере (суммы № 1) рублей, адвокат К. ссылался на недостатки выполненных работ, а именно вздутие ламината (общая площадь около 10 кв. м), неравномерность окраски стен на кухне (общая площадь 4 кв. м), трещина на штукатурке на стене на кухне, протечка в смесителе душевой. Вместе с тем в соответствии с п. 1–3 ст. 720 ГК РФ заказчик обязан осмотреть и принять выполненную работу (ее результат), а при обнаружении отступлений от договора или иных недостатков, ухудшающих результат работы, немедленно заявить об этом подрядчику. Заказчик, обнаруживший недостатки в работе при ее приемке, вправе сослаться на них в случаях, если в акте или ином документе, удостоверяющем приемку, были оговорены эти недостатки либо возможность последующего предъявления требований об их устранении. Если иное не предусмотрено договором подряда, заказчик, принявший работу без проверки, лишается права сослаться на недостатки работы, которые могли быть установлены при обычном способе ее приемки. Очевидно, что в силу изложенных норм законодательства при наличии подписанных от имени заказчика Х. актов сдачи-приемки работ исполнителя, в которых никакие недостатки выполненных ООО «...» не были указаны, само по себе заявление относительно наличия претензий в отношении качества выполненных работ достаточным основанием для отказа в удовлетворении требований ООО «...» об оплате выполненных работ являться не могло.

Адвокат К., будучи профессиональным советником по юридическим вопросам, действуя добросовестно, мог и должен был представить при рассмотрении требований ООО «...» доказательства ненадлежащего качества выполненных им работ, в частности, приобщить к материалам дела фотографии недостатков работ ООО «...», обратиться к специалисту на предмет проверки объема и качества выполненных ООО «...» работ, заявить ходатайство о назначении по данному вопросу судебной строительно-технической экспертизы. Ничего этого им сделано не было, никакие доказательства в опровержение требований ООО «...» адвокатом К. предоставлены не были. Фактически возражения против требований истца с его стороны носили формальный характер. В результате при наличии возражений ответчика относительно их качества, предполагающих сложный предмет доказывания, суд, руководствуясь предоставленными ООО «...» актами приемки выполненных работ, рассмотрел его требования о взыскании стоимости строительных работ в одном судебном заседании, которое согласно его протоколу длилось 35 минут (открыто в 15.00, закрыто в 15.35).

Заявителем Б. в материалы дисциплинарного производства представлено заключение специалиста... от 13 июня 2018 г., в котором по результатам проведенного почерковедческого исследования сделан вывод о том, что подпись от имени Х. на договоре подряда на выполнение ремонтных работ № 38-рнот 2 ноября 2016 г., вероятно, выполнена не Х., а иным лицом. Адвокат К., участвуя в рассмотрении дела в качестве представителя Х., никак не удостоверился в принадлежности своему доверителю подписи на договоре, на котором ООО «...» основывало иски требования.

В исковом заявлении, которое было подано ООО «...» в Б. районный суд города Москвы, копия которого имеется в материалах дисциплинарного производства, адрес проживания Б. и Х. был указан как Н. область ... район, РП ... ул. ... д. 01. Вместе с тем по данному адресу ни Б., ни Х. никогда не проживали. В доверенности, в которой адвокат К. обосновывал свои полномочия как представителя Б. и Х., был указан иной их адрес: Н. область ... район, РП ... ул. ... д. 02. Если бы адвокат К., установив несоответствие в номере дома, обратился к Б., по поручению которой, как он утверждает, он действовал, с вопросом относительно точного адреса ее места проживания, то установил бы, что на момент рассмотрения дела она уже проживала и была зарегистрирована по адресу: город Москва... проезд, д. ... кв. ... Однако этого адвокатом К. сделано не было. В результате судебные извещения направлялись Б. по адресу Н. область ... район, РП ... ул. ... д. 02, где она фактически никогда не проживала. Неизвещение Б. и Х. о дате и времени судебного разбирательства впоследствии было указано судебной коллегией по гражданским делам М. городского суда в качестве основания отмены постановленного Б. районным судом города Москвы 10 апреля 2018 г. решения.

На основании изложенного Совет соглашается с Квалификационной комиссией и приходит к выводу, что приведенные выше недостатки правовой

позиции адвоката К. при рассмотрении требований ООО «...» не могут быть объяснены просто низкой квалификацией или недостаточной подготовкой к участию в рассмотрении данного спора, но вкупе с иными, описанными выше обстоятельствами свидетельствуют о его намеренном процессуальном бездействии с целью способствовать вынесению судом решения об удовлетворении требований ООО «...» к Б. и Х. При этом участие в данном гражданском деле адвоката К. в качестве представителя ответчика для суда фактически легитимировало заявленные ООО «...» исковые требования и представленные в их обоснование документы.

При рассмотрении дисциплинарного дела Квалификационной комиссией изучены два письма, направленные по электронной почте адвокатом К. в адрес Б. Электронное письмо, датированное 12 марта 2018 г., содержит текст следующего содержания: *«...Вашего пугливого представителя, не умеющего держать мужского слова и которого вы активно поддержали во вранье и в подлости, разыскивают люди, которым он должен по договору денег. Чем дольше он будет скрываться, тем хуже положение, выше процент за просрочку по договору. Пора в столь престарелом возрасте научиться отвечать за свои слова. Не хватало его еще отлавливать перед судом или у вас на даче. Пусть уже не стесняется и звонит людям, как он “обещал”. Люди ждут его с деньгами. С уважением, адвокат К.»*. В письме от 17 апреля 2018 г. указывается: *«...страусиная политика до добра не доводит. Общий долг уже около 15 млн по суду. Что делать? Когда представитель отдаст деньги? С уважением, адвокат К.»* (орфография и пунктуация сохранены. – Примеч. Совета). Адвокат К. в письменных объяснениях, данных Квалификационной комиссии, направление указанных писем в адрес Б. не отрицал, дав этому следующее объяснение: *«Исполняя обязанности адвоката я неоднократно предупреждал Б. о том, что есть решение суда (П. районный суд г. С., вступило в законную силу 29.11.2018) на основании которого она должна будет... денежные средства и с выплатой долга лучше не затягивать. Я также говорил о том, что действия Ч. по различным “схемам” могут привести только к увеличению долга. Об этом я сообщал в своей переписке ей. Может быть моя переписка была излишне эмоциональной, но я уже не знал, как донести до Б. свои опасения и то, что она обязана будет исполнить решение суда, что у службы судебных приставов есть полномочия по розыску должников и привлечению их к соответствующей ответственности»* (орфография и пунктуация сохранены. – Примеч. Совета).

Совет критически относится к изложенным объяснениям адвоката К. Как следует из его собственных объяснений, он прекратил оказание юридической помощи Б. в 2017 году, заподозрив ее в совершении противоправных действий, а также в связи с невыплатой ему вознаграждения. Б. в жалобе факт прекращения оказания ей адвокатом К. юридической помощи в 2017 году подтверждает. Кроме того, как следует из содержания электронных писем адвоката К., в них содержатся фразы, которые в качестве консультирования

доверителя в рамках оказания квалифицированной юридической помощи интерпретированы быть не могут: «пугливого представителя, не умеющего держать мужского слова, которого вы активно поддержали во вранье и в подлости» (в отношении действий представителя Б. и ее лично), «пора в столь престарелом возрасте научиться отвечать за свои слова» (в отношении представителя или лично Б.), «не хватало еще его отлавливать перед судом или у вас на даче» (в отношении представителя Б.). В последней фразе адвокат К. фактически солидаризируется с «людьми», о претензиях которых к представителю Б. он пишет в письме, указывая на свое участие в принятии решения «отлавливать» представителя Б. перед судом или у нее на даче.

При указанных обстоятельствах Совет признает объяснения адвоката К. относительно обстоятельств принятия им поручения и направленности его действий при участии в рассмотрении спора по требованиям ООО «...» к Б. и Х. недостоверными, несостоятельными и отклоняет их, соответствующие дисциплинарные обвинения признает подтвержденными материалами дисциплинарного производства, а презумпцию добросовестности адвоката К. в этой части опровергнутой.

В соответствии с п. 2, 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия. Злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката.

Адвокат К., приняв без ведома и соответствующего поручения Б. в период с 15 марта по 10 апреля 2018 г. участие в рассмотрении гражданского дела № 02- 14... в Б. районном суде города Москвы по исковым требованиям ООО «...» к Б. и Х., использовав при этом доверенность от 25 марта 2016 г., которая ранее была выдана на его имя с целью оказания квалифицированной юридической помощи Б. и Х. и адвокатом К., в нарушение законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре не возвращена, намеренно не предприняв достаточных действий в защиту их прав и интересов, фактически действуя в интересах ООО «...», злоупотребил доверием Б., нарушив тем самым требования п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией и в части, касающейся нарушения адвокатом К. требований п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, которое выразилось в том, что по завершении оказания в 2017 году юридической помощи Б. и Х. он вплоть до 24 мая 2018 г. не вернул доверителям ранее выданную на его имя доверенность от 25 марта 2016 г.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершенные нарушения, Совет принимает во внимание, что они являются умышленными и грубыми, сопряжены с неисполнением фундаментальных требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также отмечает, что недопустимое профессиональное поведение адвоката К., выразившееся в предательстве интересов доверителя, наносит вред авторитету

адвокатуры и направлено к подрыву доверия к ней, что согласно п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката несовместимо со званием адвоката. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет считает действия адвоката К. несовместимыми со статусом адвоката и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, как в наибольшей степени отвечающей требованию соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности Совет считает невозможным еще и по той причине, что это давало бы основание считать подобное поведение допустимым для адвоката.

Определяя в соответствии с требованиями п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката, Совет с учетом всей совокупности приведенных выше обстоятельств считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 3 (три) года.

Одновременно с этим Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о необходимости прекращения настоящего дисциплинарного производства в отношении адвоката К. как вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, так и в связи с отсутствием в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

...Совет разъясняет заявительнице Б., что правовая оценка действиям Ку., адвоката К. и иных лиц по предъявлению к Ч., Б., В. и Ма. требований, основанных на договоре займа и договорах поручительства, которые Б. считает сфальсифицированными, может быть дана правоохранительными органами и судом в рамках соответствующих процедур, предусмотренных гражданско-процессуальным и уголовно-процессуальным законодательством. К компетенции дисциплинарных органов Адвокатской палаты города Москвы это не относится.

4. Адвокатам объявлено предупреждение за ненадлежащее исполнение ими своих профессиональных обязанностей, выразившееся в том, что они не предприняли всех необходимых действий для установления движения искового заявления доверителя, поданного вместе с заявлением о принятии мер по обеспечению иска. Другие дисциплинарные обвинения признаны необоснованными.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 октября 2019 г. с участием представителя заявительницы Г-ой, гражданина Е. ...дисциплинарное производство в отношении адвокатов П. и С., возбужденное по жалобе Г-ой от 11 июня 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 25 сентября 2019 г. адвокатами П. и С. допущено ненадлежащее, вопреки положениям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Г-ой, которое выразилось в неосуществлении ими в период с 27 декабря 2017 г. по 19 февраля 2018 г. всех возможных мер для установления движения искового заявления Г-ой о разделе общего имущества с Г-им, которое было подано в Н. районный суд города Москвы 21 декабря 2017 г. вместе с заявлением о принятии мер по обеспечению иска.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано Квалификационной комиссией подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявительница жалобы Г-ая в заседание Совета не явилась, направила своего представителя Е., который с Заключением Квалификационной комиссии согласился в полном объеме.

Адвокаты П. и С. в заседание Совета не явились, направили в Совет Адвокатской палаты города Москвы заявление от 28 октября 2019 г., в котором сообщили, что с выводами Квалификационной комиссии, изложенными в Заключении от 25 сентября 2019 г., они согласны в полном объеме, нарушения, установленные Квалификационной комиссией, признают, а также сообщили о невозможности явки в заседание Совета в связи с профессиональной занятостью и просили рассмотреть дисциплинарное производство в их отсутствие.

...Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного производства установлены факты ненадлежащего профессионального поведения адвокатов П. и С., выразившиеся в том, что, вопреки положениям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокаты П. и С. в период с 27 декабря 2017 г. по 19 февраля 2018 г. не предприняли всех возможных мер для установления движения искового заявления Г-ой о разделе общего имущества с Г-им, которое было подано в Н. районный суд города Москвы 21 декабря 2017 г. вместе с заявлением о принятии мер по обеспечению иска.

Указанные нарушения нашли свое подтверждение в материалах дисциплинарного производства и признаны адвокатами П. и С.

Так, в соответствии с Соглашением об оказании правовой помощи от 13 декабря 2017 г. ...адвокаты П. и С. приняли поручение Г-ой представлять ее

интересы в судебных органах РФ по вопросам расторжения брака, определения места жительства несовершеннолетнего ребенка, взыскания алиментов и разделе общего имущества, приобретенного в период брака с Г-им.

Согласно копии искового заявления, подписанного в качестве представителя Г-ой адвокатом П., содержащего требования Г-ой к Г-му о разделе общего имущества, приобретенного в период брака, с отметкой экспедиции Н. районного суда города Москвы о принятии, указанное исковое заявление было сдано в суд 21 декабря 2017 г. В исковом заявлении содержались требования о разделе приобретенного в период брака общего с Г-им имущества, включая квартиру, расположенную по адресу: Московская область ...район, г/п... рабочий поселок... ул. ... д. ... кв. ... а также 100% доли в уставном капитале ООО «...».

В качестве приложения № 15 к исковому заявлению Г-ой указаны «копии искового заявления для ответчика и третьих лиц». Никаких отметок об отсутствии данного приложения при принятии искового заявления экспедицией Н. районного суда города Москвы не было сделано. Тем не менее 26 декабря 2017 г. федеральным судьей Н. районного суда города Москвы... вынесено определение об оставлении искового заявления Г-ой без движения по причине отсутствия копии искового заявления для ответчика. При этом, как следует из описи материалов гражданского дела, светокопия которой предоставлена менты с целью устранения недостатка поданного искового заявления (отсутствие копии для ответчика), на которой указано в определении от 26 декабря 2017 г., в суд не представлялись.

В материалы дисциплинарного производства представлено вынесенное 19 февраля 2018 г. федеральным судьей Н. районного суда города Москвы... определение о принятии искового заявления Г-ой к производству. Ни о каком оставлении поданного искового заявления без движения и представлении в суд копии искового заявления для ответчика во исполнение ранее вынесенного определения суда в определении о принятии искового заявления к производству не указывается.

Как следует из информации о гражданском деле... в производстве Н. районного суда города Москвы по иску Г-ой к Г-му, размещенной на официальном портале судов общей юрисдикции в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу www.mos-gorsud.ru, исковое заявление Г-ой было зарегистрировано 16 февраля 2018 г. и в тот же день принято судом к производству. Какие-либо сведения о регистрации искового заявления после его поступления в суд 21 декабря 2017 г., об оставлении его без движения определением от 26 декабря 2017 г., о предоставлении истцом недостающих документов в информации о деле на сайте www.mos-gorsud.ru отсутствуют.

На основании изложенных обстоятельств Совет вслед за Квалификационной комиссией соглашается с выводом, который разделяют все участники дисциплинарного производства, о том, что определение об

оставлении искового заявления без движения от 26 декабря 2017 г. было вынесено судом без законных на то оснований, при этом на официальном портале судов общей юрисдикции в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу www.mos-gorsud.ru информация о движении искового заявления Г-ой отображалась некорректным образом, а именно, не была отображена информация о поступлении искового заявления в Н. районный суд города Москвы 21 декабря 2017 г. и оставлении его без движения определением суда от 26 декабря 2017 г. Также некорректно указана дата вынесения судом определения о принятии искового заявления Г-ой к производству: согласно данным сайта – 16 февраля 2018 г., согласно имеющемуся тексту определения о принятии искового заявления к производству – 19 февраля 2018 г.

Вместе с исковым заявлением 21 декабря 2017 г. в Н. районный суд города Москвы было сдано заявление о принятии мер по обеспечению иска, также подписанное в качестве представителя Г-ой, адвокатом П. Как следует из его текста, который имеется в материалах дисциплинарного производства, в указанном заявлении содержалась просьба о принятии мер по обеспечению иска в отношении имущества, составляющего предмет требований Г-ой, в частности, о запрете ИФНС России №... по городу Москве осуществлять любые регистрационные действия в отношении ООО «...», связанные с внесением изменений в учредительные документы, а также возможными реорганизацией и ликвидацией. Таким образом, на момент обращения в суд с исковыми требованиями адвокатам П., С. и их доверительнице Г-ой была очевидна необходимость принять процессуальные меры срочного характера для немедленной защиты интересов истца ввиду возможных действий ответчика, вследствие которых интересы Г-ой могли быть нарушены по причине невозможности исполнения судебного акта, который может быть постановлен по требованиям Г-ой. Такие действия адвокатами П. и С. были предприняты в виде составления заявления о принятии мер по обеспечению иска в порядке ст. 140 ГПК РФ и направления его в суд вместе с исковым заявлением 21 декабря 2017 г.

Поскольку заявление о принятии мер по обеспечению иска не могло быть рассмотрено судом до принятия искового заявления Г-ой к производству, обязанностью адвокатов П. и С. было предпринять все возможные меры для обеспечения принятия Н. районным судом города Москвы искового заявления Г-ой к производству.

Вопрос о принятии искового заявления к производству в соответствии со ст. 133 ГПК РФ должен быть рассмотрен судом в течение пяти дней с момента его поступления в суд. Согласно ст. 141 ГПК РФ заявление об обеспечении иска рассматривается судом в день его поступления, о рассмотрении заявления судом выносится определение.

Руководствуясь изложенными нормами процессуального законодательства, адвокаты П. и С. должны были исходить из обязанности Н. районного суда города Москвы принять исковое заявление Г-ой к

производству и рассмотреть заявление о принятии мер по обеспечению иска не позднее 26 декабря 2017 г.

Как следует из объяснений адвокатов П. и С., которые Квалификационная комиссия сочла достоверными, они пытались получить информацию о движении искового заявления Г-ой и рассмотрении заявления о принятии мер по обеспечению иска на официальном портале судов общей юрисдикции в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также обращаясь с устными запросами к работникам канцелярии Н. районного суда города Москвы и к судьям. Однако на устные запросы адвокатов никакая информация представлена не была, на указанном выше официальном сайте какая-либо информация до 16 февраля 2018 г. отсутствовала.

Не располагая даже информацией о поступлении поданного 21 декабря 2017 г. искового заявления на рассмотрение судье, адвокаты П. и С. должны были предполагать, что это вызвано бездействием сотрудников аппарата суда, вследствие чего сданные в суд документы просто не были переданы судье, либо переданные документы судьей рассмотрены, и по ним приняты процессуальные решения, но вследствие технической ошибки эти действия не были отображены на официальном сайте суда, и о них не были осведомлены технические сотрудники суда, предоставляющие информацию участникам судебных разбирательств.

В соответствии с подп. 1, 8 п. 1 ст. 39 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» приемка и выдача документов, ведение учета движения дел и сроков их прохождения в суде осуществляются аппаратом суда. Таким образом, на основании имеющейся у них информации адвокаты П. и С. должны были полагать, что права их доверительницы Г-ой на принятие к производству и рассмотрение ее искового заявления, а также заявления о принятии мер по обеспечению иска в установленные процессуальным законодательством сроки нарушаются вследствие ненадлежащего исполнения сотрудниками аппарата Н. районного суда города Москвы своих обязанностей.

Согласно подп. 1, 5 п. 3 ст. 35 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» организацию работы районного суда общей юрисдикции осуществляет его председатель. Он же осуществляет общее руководство аппаратом суда.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией и полагает, что, начиная с 27 декабря 2017 г., когда процессуальные сроки для принятия искового заявления Г-ой к производству и рассмотрения заявления о принятии мер по обеспечению иска истекли, и на основании информации, которой располагали адвокаты П. и С., имело место нарушение прав их доверительницы вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей аппаратом суда. Учитывая согласованную с Г-ой необходимость в совершении срочных действий по защите ее прав и интересов в форме мер по обеспечению иска, адвокаты П. и С., помимо формальных действий, направленных на получение информации относительно движения поданного искового

заявления, могли и должны были предпринять возможные действия по защите нарушенных прав доверительницы Г-ой, в частности, посредством направления письменного обращения на имя председателя Н. районного суда города Москвы.

При направлении адвокатами П. и С. от собственного имени либо от имени заявительницы Г-ой письменного обращения на имя председателя Н. районного суда города Москвы относительно отсутствия движения по поданному в суд 21 декабря 2017 г. исковому заявлению они с высокой вероятностью получили бы информацию о вынесении судьей... 26 декабря 2017 г. определения об оставлении искового заявления без рассмотрения, после чего они могли бы предпринять действия по надлежащей защите прав доверителя в сложившейся ситуации, например, представить (фактически повторно) в суд копию искового заявления для ответчика Г-го.

Однако подобные, как и любые иные активные действия по защите прав доверительницы Г-ой, адвокатами П. и С. предприняты не были.

Указанное бездействие Совет признает ненадлежащим исполнением адвокатами профессиональных обязанностей перед доверительницей Г-ой, вопреки установленным положениями подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанностям адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, своевременно, активно защищать права и интересы доверителя. То есть при наличии обстоятельств, обуславливающих необходимость принятия срочных процессуальных мер для защиты интересов доверителя, в частности, обращения с заявлением о принятии мер по обеспечению иска, обязанностью адвоката является не только составление соответствующего заявления и направление его в суд, но и осуществление всех возможных действий с целью добиться его рассмотрения судом в процессуальные сроки, предусмотренные законодательством.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвокатов П. и С. в отношении указанного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а их вину в нарушении требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокатов П. и С. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что оно было совершено по грубой неосторожности и привело к нарушению прав доверительницы в части непринятия своевременных мер, направленных на обеспечение иска. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокаты П. и С. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекались. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокатам П. и С. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и

справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно с этим Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о необходимости прекращения настоящего дисциплинарного производства в отношении адвокатов П. и С. в оставшейся части.

В части дисциплинарного обвинения в адрес адвокатов П. и С. в том, что они «вынудили» заявительницу Г-ую нести расходы на нотариальное удостоверение выданной на их имя доверенности, Совет соглашается с Квалификационной комиссией и считает его явно надуманным. В соответствии с п. 1 ст. 53 ГПК РФ полномочия представителя на ведение дела должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с законом. Согласно п. 5 той же статьи полномочия адвоката на ведение дела в суде удостоверяются ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием. Как следует из п. 1 ст. 54 ГПК РФ, представитель вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия, однако полномочия на совершение ряда процессуальных действий, включая подписание искового заявления, предъявление исполнительного документа к взысканию, должны быть специально оговорены в доверенности. Из предоставленных в материалы дисциплинарного производства копий искового заявления и заявления о принятии мер по обеспечению иска усматривается, что они подписаны адвокатом П. в качестве представителя Г-ой. Протоколами заседаний Н. районного суда города Москвы по гражданскому делу... подтверждается, что Г-кая в судебных заседаниях 10 мая, 6 и 27 июня, 26 июля и 7 августа 2018 г. лично не участвовала, ее представительство осуществляли адвокаты на основании выданной доверенности. Таким образом, полномочия, предусмотренные выданной Г-ой на их имя доверенностью, адвокатами П. и С. были использованы для представления ее интересов в судебном разбирательстве. Какие-либо нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре со стороны адвокатов П. и С. в данной части отсутствуют.

Аналогичным образом Совет соглашается с Квалификационной комиссией и не усматривает ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверительницей Г-ой со стороны адвокатов П. и С. в связи с совершением ими процессуальных действий, на которые указывается в жалобе: заявлением ходатайств об отложении рассмотрения дела по причине неявки стороны спора, третьего лица, в связи с необходимостью ознакомления с его материалами дела, даже если последующее, после отложения, ознакомление с материалами дела адвокатами не производилось. Органы адвокатского самоуправления не считают возможным вмешиваться в избранную адвокатом тактику ведения дела, в рамках которой адвокат, основываясь на собственных знаниях, опыте и понимании процессуальной ситуации, принимает решения о совершении тех либо иных процессуальных действий, настаивает на скорейшем рассмотрении дела либо предпринимает

процессуальные шаги по его отложению. При этом следует отметить наличие очевидных технических ошибок, содержащихся в протоколах заседаний Н. районного суда города Москвы. Так, например, в протоколе судебного заседания от 7 августа 2018 г. в качестве представителя Г-ой указана «П-ва, гражданка РФ, личность установлена по паспорту». Аналогичная техническая ошибка содержится в протоколе судебного заседания от 10 мая 2018 г., где указано о заявлении представителем истца ходатайства об отложении рассмотрения дела «ввиду неявки истца». Очевидно, что указанные технические ошибки никак на права и обязанности Г-ой не повлияли, разумные основания настаивать на принесении адвокатами в данной части замечаний на протокол судебного заседания отсутствуют.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией и считает также надуманным довод Г-ой о том, что адвокаты П. и С. не обратились с апелляционной жалобой на постановленное Н. районным судом города Москвы 7 августа 2018 г. решение и не разъяснили ей порядок его обжалования в апелляционном порядке. В тексте судебного решения, которое Г-ая получила от адвоката П., указано, что оно «может быть обжаловано сторонами в апелляционном порядке в Московский городской суд через Н. районный суд города Москвы в течение месяца со дня принятия решения суда в окончательной форме». Таким образом, о возможности обращения с апелляционной жалобой на решение Н. районного суда города Москвы от 7 августа 2018 г. Г-ая была осведомлена и признала это при рассмотрении дисциплинарного производства. При таких обстоятельствах Квалификационная комиссия считает достоверными объяснения адвокатов П. и С. о том, что Г-ая, зная о возможности обращения с апелляционной жалобой на указанное решение суда, такого намерения не высказывала, с соответствующими запросами к ним не обращалась. В устных пояснениях, данных Квалификационной комиссией при рассмотрении дисциплинарного производства, представитель Г-ой Е. пояснил, что обращение с жалобой в отношении адвокатов П. и С. в органы адвокатского сообщества обусловлено необходимостью использовать постановленные по результатам рассмотрения жалобы Г-ой решения для восстановления пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы на решение Н. районного суда от 7 августа 2018 г. Кроме того, заявительница Г-ая не отрицает, что адвокат П. в январе 2019 года по ее поручению, действуя на основании не отозванной Г-ой доверенности, обращался в Федеральную службу судебных приставов России с заявлением о возбуждении исполнительного производства во исполнение решения Н. районного суда города Москвы от 6 июня 2018 г. о взыскании с Г-го в пользу Г-ой алиментов на содержание ребенка. Таким образом, в январе 2019 года Г-ая, безусловно зная о том, что решение Н. районного суда города Москвы от 7 августа 2018 г. ни ею, ни адвокатами П. и С. не было обжаловано, выражала доверие адвокату П., поручая совершать от ее имени и в ее интересах юридически значимые действия. Поэтому в данной части дисциплинарных

обвинений Совет ненадлежащего исполнения адвокатами П. и С. профессиональных обязанностей перед доверительницей Г-ой не усматривает.

В части утверждения заявительницы Г-ой о том, что невозможность признания за ней права на долю в ООО «...», приобретенную Г-им в период брака с нею, вызвана именно ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей адвокатами П. и С., Совет разъясняет, что в соответствии со статьями 23–25 Кодекса профессиональной этики адвоката в компетенцию Квалификационной комиссии и Совета входят установление факта нарушения адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и применение мер дисциплинарной ответственности к адвокату, но не анализ материально-правовых последствий такого нарушения. Кроме того, заявительницей Г-ой при рассмотрении дисциплинарного производства не представлены документы, подтверждающие, вследствие каких юридических действий и когда именно Г-ий утратил право на 100% доли в уставном капитале ООО «...». Из данных Единого государственного реестра юридических лиц в отношении ООО «...» усматривается, что в феврале 2018 года в указанный реестр были внесены две записи: 13 и 26 февраля 2018 г. Причем последняя запись датирована периодом после принятия Н. районным судом искового заявления Г-ой к производству, в отношении которого заявительница претензий к адвокатам в части бездействия в связи с неприятием поданного в суд искового заявления не предъявляет. Кроме того, как указывают адвокаты П. и С., и в данной части их объяснения подтверждаются заявительницей Г-ой, ими обсуждалась с Г-ой возможность оспаривания действий Г-го, направленных на прекращение у него права на 100% долей в уставном капитале ООО «...», однако Г-ой решение о предъявлении соответствующих требований не было принято, а в объем ранее заключенного между адвокатами и Г-ой соглашения об оказании юридической помощи такое поручение не входит.

При указанных обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвокатов П. и С. в оставшейся части дисциплинарных обвинений не опровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

5. К адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее неисполнение ею профессиональных обязанностей защитника по назначению, выразившееся в том, что она не потребовала от следователя вынесения постановления, разрешающего устное ходатайство обвиняемой, и не совершила иных действий, направленных на защиту ее прав и законных интересов.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 октября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Р., возбужденное по жалобе К. от 6 мая 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 25 сентября 2019 г. адвокатом Р. допущено неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении»), профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившееся в том, что она не потребовала от следователя вынесения постановления, разрешающего устное ходатайство обвиняемой К., заявленное ею 12 октября 2019 г. в ходе допроса в качестве обвиняемой в порядке, определенном правилами гл. 15 УПК РФ, и не совершила иных последовательных действий, указанных в разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», направленных на защиту прав и законных интересов обвиняемого.

Кроме того, Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Р. по жалобе К., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявительница К. в заседание Совета Адвокатской палаты города Москвы не явилась, находится под стражей. Представителя для участия в заседании Совета не направила.

Адвокат Р. в заседание Совета не явилась, представила письменные возражения и просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие.

...Совет, рассмотрев дисциплинарное производство и Заключение Квалификационной комиссии, а также возражения адвоката Р., повторяющие доводы ее предыдущих объяснений, в полном объеме соглашается с фактическими обстоятельствами, установленными Квалификационной комиссией и изложенными в ее Заключении.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве СЧ СУ УВД по ... АО ГУ МВД России по городу Москве находилось уголовное дело, возбужденное 25 апреля 2017 г. по ч. 4 ст. 159 УК РФ. С 14 ноября 2017 г. К., являющаяся одной из обвиняемых по делу, находится под стражей.

На основании Соглашения об оказании юридической помощи от 29 июня 2018 г. ...адвокат Коллегии адвокатов «...» Б. принял поручение на осуществление защиты К. 10 июля 2018 г. он вступил в уголовное дело в качестве защитника К. по соглашению.

5 октября 2018 г. адвокат Б. с помощью смс-сообщения был уведомлен о проведении 9 октября 2018 г. следственных и иных процессуальных действий с участием его подзащитной К. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве. 9 октября 2018 г. адвокат Б. по факсу направил следователю ходатайство о переносе даты проведения следственных действий (предъявление обвинения) с 9 октября 2018 г. на другую дату в связи с его профессиональной занятостью по уголовному делу, рассматриваемому мировым судьей судебного участка №... города К. Т. области и с просьбой *«Уведомить его заблаговременно»*.

10 октября 2018 г. адвокат Б. был уведомлен по факсу о том, что по его просьбе предъявление обвинения К. переносится на 9.00 часов 11 октября 2018 года. 10 октября 2018 г. адвокат Б. по факсу направил следователю Е. ходатайство о переносе даты предъявления обвинения К. с 11 октября 2018 г. на более позднюю в связи с его профессиональной занятостью по уголовному делу, рассматриваемому мировым судьей судебного участка №... района города Т. и просьбой *«Уведомить его заблаговременно с учетом требований статей 50 и 172 УПК РФ»*.

12 октября 2012 г., с 10.00 по 12.40, адвокат Б. находился в судебном заседании Х. районного суда города Москвы по уголовному делу в отношении М. 12 октября 2018 г. следователь Е. вынес постановление о назначении обвиняемой К. защитника Р. в порядке ст. 51 УПК РФ. 12 октября 2018 г. она прибыла в СИЗО и предоставила следователю Е. ордер... выданный ей на осуществление защиты К. по назначению в... отделе СЧ СУ УВД по ...АО ГУ МВД России по городу Москве, после чего с ее участием был проведен ряд следственных и процессуальных действий. В тот же день, 12 октября 2018 г., следователем Е. было вынесено постановление о полном удовлетворении ходатайства К. об отказе от защитника по назначению, адвоката Р.

Принимая во внимание данные адвокатом Р. объяснения о том, что 12 октября 2018 г. в помещении следственного изолятора следователь Е. предъявил ей письменные уведомления адвоката Б. о запланированных процессуальных действиях, список вызовов на номер телефона адвоката Б. и его переписку со следователем Е., имеющуюся в телефоне последнего, и ряд иных установленных в ходе дисциплинарного разбирательства обстоятельств, Квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что 12 октября 2018 г. следователем Е. до адвоката Р. не доводилась информация о согласовании следователями следственной группы с адвокатом Б. места, даты и времени проведения следственных и иных процессуальных действий – 15 октября 2018 г. В отсутствие указанной информации адвокат Р. обоснованно полагала, что ввиду своей профессиональной занятости адвокат Б. не может принять участие в предъявлении К. обвинения в новой редакции и в проведении с ее участием иных процессуальных действий, а поэтому у следователя имеются предусмотренные ч. 3 ст. 50, п. 1 ч. 1, ч. 2 ст. 51 УПК РФ основания для его замены защитником по назначению.

С учетом изложенного Совет, как и Квалификационная комиссия, признает, что, вступив 12 октября 2018 г. в уголовное дело в качестве защитника К. по назначению следователя, адвокат Р. не допустила нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Вместе с тем в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению» указано, что адвокатам, вступающим в уголовное судопроизводство по назначению, нередко приходится сталкиваться с нарушением следователями порядка замены участвовавшего ранее в деле и выбывшего из него по различным причинам защитника по соглашению – следователь не дает подозреваемому или обвиняемому возможности реализовать право в течение отпущенного законом срока (от одних до пяти суток) заключить соглашение с новым адвокатом, а в нарушение закона сразу же привлекает адвоката по назначению. В случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ. При отказе следователя вынести соответствующее постановление, адвокату следует подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения следователем постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с гл. 16 УПК, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы.

Согласно ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника необязателен для дознавателя, следователя и прокурора. Поэтому в случае вынесения следователем постановления об отказе в удовлетворении ходатайства об отказе от назначенного защитника адвокат не вправе выйти из дела, но обязан в протоколе процессуального действия отметить нарушение норм УПК РФ и помочь обвиняемому составить жалобу на нарушение следователем его права на защиту (см. Разъяснение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению» // Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы»: сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 110–111).

12 октября 2018 г. при проведении следователем Е. допроса К. качестве обвиняемой с участием защитника по назначению, адвоката Р., от К. поступило устное ходатайство об отказе от указанного защитника. Оно было занесено следователем в протокол допроса обвиняемой К., но разрешено уже после завершения всех следственных и иных процессуальных действий с участием адвоката Р.

Оценивая действия (бездействие) адвоката Р. после вступления в уголовное дело на предмет их соответствия Разъяснению Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», а именно соблюдение адвокатом Р. установленного в указанном разъяснении алгоритма поведения защитника по назначению при отказе от него со стороны доверителя, Совет усматривает в действиях (бездействии) адвоката Р. неисполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем, выразившееся в том, что она не потребовала от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ, и не совершила иных последовательных действий, указанных в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению».

При таких обстоятельствах Совет, признавая презумпцию добросовестности адвоката Р. в отношении указанного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а ее вину в совершении этого нарушения доказанной, принимая во внимание умышленный и грубый характер нарушения, полагает необходимым применить к адвокату Р. за допущенное дисциплинарное нарушение меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части по основаниям, изложенным в Заключение комиссии.

6. Адвокату объявлено предупреждение за ненадлежащее исполнение им профессиональных обязанностей перед доверителем, выразившееся в том, что адвокат не заявила ходатайства об отложении процессуальных действий и предоставлении ее подзащитному времени для реализации права на самостоятельное приглашение защитника, не поддержала письменное ходатайство обвиняемого об отложении процессуальных действий, а также не потребовала от следователя вынесения постановлений, разрешающих указанные письменные ходатайства, и не совершила ряд других последовательных действий по защите интересов доверителя.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката Р., заявителя Е. в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Р., возбужденное по жалобе Е. от 9 августа 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 13 ноября 2019 г. адвокат Р. допустила ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 («Адвокат обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно

отстаивать права и законные интересы доверителя»), подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 («Адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле»), ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении»), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Е., выразившееся в том, что 27 марта 2019 г. она не заявила ходатайства об отложении процессуальных действий и предоставлении обвиняемому Е. времени для реализации права на самостоятельное приглашение защитника, не поддержала письменное ходатайство Е. от 27 марта 2019 г. об отложении процессуальных действий и предоставлении ему времени для реализации права на самостоятельное приглашение защитника, а также письменный отказ Е. от нее от 27 марта 2019 г., не потребовала от следователя вынесения постановлений, разрешающих указанные письменные ходатайства Е. в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ, и не совершила иных последовательных действий, указанных в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению».

Адвокат Р. в заседании Совета с Заключением Квалификационной комиссии частично не согласилась, представила в Совет свои письменные возражения от 16 декабря 2019 г., в которых указала, что считает совершенный проступок малозначительным. Указывает на то, что ее действиями интересы Е. не были нарушены. Наоборот, после ее действий адвокаты «подняли такой шум, что прокурор изменил меру пресечения». Адвокат Р. считает, что ходатайства она поддержала, оснований заявлять о том, что интересы Е. были нарушены, у нее не имелось. Кроме того, она считает, что истек предусмотренный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката шестимесячный срок применения к ней мер дисциплинарной ответственности. Просит признать, что, если она «допустила какие-либо нарушения их малозначительными, применив 6-ти месячный срок дисциплинарное производство прекратить» (орфография и пунктуация сохранены. – *Примеч. Совета*).

Заявитель Е. в заседании Совета с Заключением Квалификационной комиссии согласился в полном объеме, просил привлечь адвоката Р. к дисциплинарной ответственности, определив ее меру по усмотрению Совета.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, Совет в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии от 18 декабря 2019 г. и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, установлено, что 9 февраля 2017 г. ...отделом по расследованию особо важных дел (о преступлениях в сфере транспортной безопасности и коррупции)... межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации в отношении Е. и иных

неустановленных лиц возбуждено уголовное дело... по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

9 февраля 2017 г. Е. был задержан в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ.

11 февраля 2017 г. М. районным судом города Москвы в отношении Е. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Впоследствии срок содержания Е. под стражей судом неоднократно продлевался. Срок следствия по уголовному делу также неоднократно продлевался.

Защиту Е. по соглашению на предварительном следствии, а затем и при рассмотрении уголовного дела С. районным судом города Москвы осуществляли адвокаты Ж., Ч., К.

7 февраля 2019 г. С. районным судом города Москвы уголовное дело в отношении Е. и иных лиц было возвращено... межрегиональному транспортному прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом и устранения выявленных нарушений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, допущенных на досудебной стадии производства по уголовному делу.

...После поступления уголовного дела... в следственный орган от... межрегионального транспортного прокурора ...следователем ... Х. оно 25 марта 2019 г. было принято к своему производству, о чем он уведомил обвиняемого Е. через администрацию ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и адвокатов Ж., Ч., К., не являвшихся по состоянию на указанную дату защитниками Е., сообщив им, что срок следствия установлен по 25 апреля 2019 г.

Также в указанный день следователь Х. уведомил Е., адвокатов Ж., Ч., К. о том, что на 26 марта 2019 г. запланировано предъявление Е. обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159 УК РФ. При этом Е. разъяснены положения ст. 50 УПК РФ.

26 марта 2019 г. ... следователь ... Х. уведомил обвиняемого Е. и адвокатов Ж., Ч., К. о запланированном на 27–31 марта 2019 г. ознакомлении с материалами уголовного дела... в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ. При этом Е. были разъяснены положения ст. 50 УПК РФ. В этот же день обвиняемый Е. был уведомлен следователем о рассмотрении 29 марта 2019 г. М. районным судом города Москвы ходатайства следователя об установлении обвиняемому, его защитнику срока для ознакомления с материалами уголовного дела.

26 марта 2019 г. ... следователь ... Х. уведомил обвиняемого Е., что в связи с неявкой его защитников по соглашению 26 марта 2019 г. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве для проведения следственных и иных процессуальных действий предъявление ему обвинения, а также проведение иных следственных и процессуальных действий переносится на 27 марта 2019 года. Е. было разъяснено, что в случае неявки адвоката по соглашению Е. будет назначен защитник в соответствии со ст. 50 УПК РФ.

27 марта 2019 г. следователем Х. в автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ) была создана заявка... об обеспечении обвиняемому Е. защитника по назначению 27 марта 2019 г. Заявка была распределена системой адвокату Р.

27 марта 2019 г. ... следователем ... Х. было вынесено постановление о назначении обвиняемому Е. в качестве защитника по уголовному делу... адвоката Р., представившей удостоверение... При этом по состоянию на 27 марта 2019 г. не имелось заключенных с адвокатами соглашений на защиту обвиняемого Е. на стадии предварительного расследования. Ранее заключенные соглашения были исполнены адвокатами Ж., Ч. и К. и прекратили свое действие.

27 марта 2019 г. в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий Е. на имя следователя Х. были поданы собственноручно написанные ходатайства (заявления) об отказе от:

- защитника – адвоката по назначению Р. в связи с наличием трех защитников – адвокатов по соглашению Ж., К., Ч., а также в связи с тем, что обвиняемый Е. не доверяет адвокату по назначению;

- дачи показаний и участия в следственных и иных процессуальных действиях в отсутствие защитников – адвокатов по соглашению Ж., К., Ч., желании давать показания и принимать участие в следственных и иных процессуальных действиях в присутствии указанных адвокатов, а также о просьбе к следователю обеспечить их явку;

- дачи показаний и участия в следственных и иных процессуальных действиях в отсутствие адвоката, в связи с чем Е. ходатайствовал о предоставлении времени, достаточного для заключения с адвокатом соглашения об оказании юридической помощи.

27 марта 2019 г., в 16.45, Е. с участием адвоката Р. было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159 УК РФ (постановление вынесено следователем 25 марта 2019 г.). При этом следователем на листах разъяснения прав указано, что Е. *«От подписи отказался в связи с отсутствием защитника по соглашению»*. После чего в период времени с 16.50 по 17.10 Е. был допрошен в качестве обвиняемого, от дачи показаний Е. отказался. Протокол допроса составлен на девяти листах, от подписи в протоколе допроса Е. отказался, на каждом листе протокола допроса следователем указано: *«От подписи отказался в связи с отсутствием защитника по соглашению»*. На каждом листе протокола допроса Е. имеется подпись адвоката Р.

27 марта 2019 г., в период времени с 17.15 по 17.27, обвиняемый Е. и защитник, адвокат Р., были уведомлены об окончании следственных действий по уголовному делу... о чем следователем Х. в порядке, предусмотренном ст. 215 УПК РФ, составлен соответствующий протокол, от подписи в указанном протоколе Е. отказался, на каждом листе протокола следователем указано, что Е. *«От подписи отказался в связи с отсутствием защитника по соглашению»*. При этом обвиняемый Е. собственноручно внес в протокол

запись следующего содержания: *«Желаю знакомиться с материалами уголовного дела в присутствии защитников – адвокатов по соглашению Ж., Ч., К., в случае отсутствия соглашения с данными адвокатами прошу время предоставить для заключения соглашения об оказании юр. пом.»*. В графе *«Желаю знакомиться с материалами уголовного дела»* следователем указано: с помощью защитника отдельно и совместно. Далее под данной графой адвокатом Р. внесена запись: *«Ходатайство Е. поддерживаю»*. На каждом листе протокола имеется подпись адвоката Р.

27 марта 2019 г. следователем отдела по расследованию особо важных дел... межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации... Х. было вынесено постановление об отказе в удовлетворении ходатайства обвиняемого Е. об ознакомлении с материалами уголовного дела в присутствии защитников, адвокатов по соглашению Ж., Ч., К., в случае отсутствия соглашения с указанными адвокатами о предоставлении времени для заключения соглашения об оказании юридической помощи, заявленного при уведомлении обвиняемого Е. и его защитника-адвоката Р. об окончании следственных действий по уголовному делу...

В материалах дисциплинарного производства имеется график ознакомления защитника, адвоката Р., с материалами уголовного дела... в который внесены сведения о том, что 28 марта 2019 г. защитник, адвокат Р., ознакомилась с материалами уголовного дела, а также график ознакомления обвиняемого Е. с материалами уголовного дела в период с 28 по 31 марта 2019 г.

29 марта 2019 г. следователем ... Х. было вынесено постановление об удовлетворении ходатайства обвиняемого Е. об отказе от «услуг» защитника, адвоката Р. по назначению, в связи с наличием защитников, адвокатов по соглашению Ж., Ч., К.

29 марта 2019 г. в судебном заседании М. районного суда города Москвы при рассмотрении ходатайства ... следователя ... Х. об установлении обвиняемому, его защитнику срока для ознакомления с материалами уголовного дела защиту Е. по соглашению осуществлял адвокат Ч., представивший удостоверение... Судебное заседание было отложено на 1 апреля 2019 г.

Совет соглашается с оценкой Квалификационной комиссией фактических обстоятельств, связанных со вступлением адвоката Р. в уголовное дело в качестве защитника по назначению обвиняемого Е. Как установлено Квалификационной комиссией, ... следователь ... Х. принял уголовное дело... к своему производству только 25 марта 2019 г. (когда оно вернулось в следственный орган от... межрегионального... прокурора), после чего в этот же день уведомил обвиняемого Е. и адвокатов Ж., Ч. и К., не являвшихся по состоянию на указанную дату защитниками Е., о том, что на 26 марта 2019 г. запланировано предъявление Е. обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159 УК РФ.

В связи с неявкой 26 марта 2019 г. для участия в запланированных процессуальных действиях защитников Е. по соглашению следователь Х. перенес их на 27 марта 2019 г., после чего с участием назначенного им защитника, адвоката Р., предъявил Е. обвинение в новой редакции, допросил его (Е.) в качестве обвиняемого, уведомил обвиняемого и его защитника об окончании следственных действий и 28 марта 2019 г. приступил к ознакомлению обвиняемого Е. и его защитника, адвоката Р., с материалами уголовного дела.

Часть 3 ст. 50 УПК РФ предусматривает, что «в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то дознаватель, следователь вправе произвести данное процессуальное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2–7 части первой статьи 51 настоящего Кодекса».

Совет отмечает, что обвиняемый Е. был уведомлен о предстоящем процессуальном действии, предъявлении обвинения 25 марта 2019 г. Учитывая приведенные выше правовые положения, Е. имел право пригласить защитника по соглашению вплоть до 31 марта 2019 г. И только в случае отсутствия у обвиняемого Е. защитника по соглашению по состоянию на 31 марта 2019 г. следователь Х. имел бы правовое основание назначить защитника для участия в процессуальных действиях, проводимых не ранее этой даты.

В связи с этим Квалификационная комиссия пришла к правильному выводу о том, что, поскольку по состоянию на 27 марта 2019 г. установленный ч. 3 ст. 50 УПК РФ пятисуточный срок для реализации обвиняемым права на приглашение защитника не истек, а обвиняемый Е. не заявлял ходатайства о назначении ему защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, участие адвоката Р. в запланированных следователем процессуальных действиях в качестве назначенного следователем защитника, в отсутствие согласия на это обвиняемого Е., очевидно, нарушало право последнего на свободный выбор защитника.

Квалификационной комиссией обоснованно отвергнут довод адвоката Р. о том, что Е. был уведомлен следователем надлежащим образом о проведении 27 марта 2019 г. следственных и иных процессуальных действий, а также о том, что ей не было известно о том, что следователь Х. принял уголовное дело к своему производству только 25 марта 2019 г. Адвокат Р., действуя разумно и добросовестно, была обязана с момента вступления в уголовное дело реализовать полномочия, предоставленные ей п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, и

ознакомиться со всеми документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться обвиняемому Е. Совершение защитником указанных действий является обязательным вне зависимости от процессуальной ситуации и длительности производства по уголовному делу.

Совет обращает внимание на то, что подп. «а» п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20 апреля 2017 г., принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов, предусматривает обязанность согласовать с подзащитным позицию по делу, для чего адвокат-защитник «принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться».

Поэтому в случае надлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей адвокату Р. как профессиональному участнику уголовного судопроизводства было бы очевидно, что уголовное дело... было принято следователем Х. к своему производству только 25 марта 2019 г. Соответственно, направленное 20 марта 2019 г. ... следователем ... Д. (в производстве которой уголовное дело не находилось) уведомление... о запланированных на 25–29 марта 2019 г., а также на 1–5 апреля 2019 г. следственных и иных процессуальных действий не имеет какого-либо правового значения.

Квалификационная комиссия дала правильную оценку и установленным фактическим обстоятельствам, связанным с поведением адвоката Р. при заявлении обвиняемым Е. ходатайств об отказе от нее как от защитника по назначению, об отказе от дачи показаний и участия в следственных и иных процессуальных действиях в отсутствие защитников по соглашению, об обеспечении их явки и предоставлении времени, достаточного для заключения соглашения об оказании юридической помощи.

В основу правовой оценки указанных фактических обстоятельств Комиссией обоснованно положены Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 7 октября 2003 г. «О поведении адвоката-защитника при отказе от него», в соответствии с которыми «в уголовных делах нередки случаи отказа обвиняемых, не признающих себя виновными, от защитника, мотивированные расхождением в позициях. Адвокат, подтверждающий такое расхождение при высказывании своего отношения к заявленному ему отводу, нарушает требования Закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре” и Кодекса профессиональной этики адвоката, которые воспрещают адвокату занимать по делу позицию вопреки воле доверителя и делать публичные заявления о доказанности вины подзащитного, если тот ее отрицает. По сути такое заявление означает отказ от принятой на себя защиты. В вышеописанной ситуации адвокату следует поддерживать заявленный ему отвод, обращая внимание следователя и суда на то, что полноценная защита возможна лишь тогда, когда обвиняемый доверяет адвокату и отсутствие доверия должно повлечь удовлетворение отказа от защитника» (см.: «Вестник Адвокатской

палаты города Москвы». 2003. Выпуск № 1. С. 30–31; 2004. Выпуск № 11–12 (13–14). С. 40–41; 2007. Выпуск № 1(39). С. 103–104; специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы»: сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 108–109).

Указанное требование к должному поведению адвоката является универсальным и распространяется не только на случаи отказа от защитника, мотивированного расхождением в позициях, но и на все другие случаи отказа обвиняемого от защитника (в том числе по мотивам отказа от защитника по назначению, обусловленного неистечением срока для приглашения защитника) либо заявления ему отвода. Адвокат не вправе навязывать свою помощь и принуждать обвиняемого к реализации своего субъективного права на свободный выбор защитника вопреки его воле. Заявление об отказе от защитника (либо отвод) может иметь под собой различные правовые и психологические основания, но общим для них остается то, что между обвиняемым и адвокатом не сформировались доверительные отношения, являющиеся основой и обязательным условием для оказания квалифицированной юридической помощи. Поэтому при заявлении обвиняемым об отказе от защитника (отвода) последний должен поддержать его в полном объеме и просить должностное лицо удовлетворить его. Пассивная позиция адвоката-защитника, выражающаяся в оставлении разрешения заявления обвиняемого на усмотрение суда, или противоположная позиция адвоката-защитника, выражающаяся в побуждении должностного лица отказать в удовлетворении заявления обвиняемого об отказе от защитника, по сути свидетельствует о занятии адвокатом позиции и действиях вопреки воле доверителя. Такое поведение адвоката не может быть признано разумным, добросовестным и квалифицированным.

Кроме того, в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению» указано, что «Адвокатам, вступающим в уголовное судопроизводство по назначению, нередко приходится сталкиваться с нарушением следователями порядка замены участвовавшего ранее в деле и выбывшего из него по различным причинам защитника по соглашению – следователь не дает подозреваемому или обвиняемому возможности реализовать право в течение отпущенного законом срока (от одних до пяти суток) заключить соглашение с новым адвокатом, а в нарушение закона сразу же привлекает адвоката по назначению.

В случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ. При отказе следователя вынести соответствующее постановление адвокату следует подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения следователем постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В случае отказа

следователя рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с главы 16 УПК, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах государственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)...)» (см. Разъяснение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению» // Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы»: сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 110–111).

Оценивая действия (бездействие) адвоката Р. после вступления в уголовное дело на предмет их соответствия приведенным разъяснениям Совета Адвокатской палаты города Москвы, а именно выполнение адвокатом Р. установленного в указанных разъяснениях алгоритма поведения защитника по назначению при отказе от него со стороны доверителя, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, усматривает в действиях (бездействии) адвоката Р. ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем, выразившееся в том, что она не поддержала заявленный Е. отказ от нее, а также заявленное Е. ходатайство об отложении процессуальных действий и предоставлении ему (Е.) времени для самостоятельного приглашения защитника, не потребовала от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленные ходатайства в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ, и не совершила иных последовательных действий, указанных в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению».

Довод адвоката Р. о том, что она в протоколе уведомления об окончании следственных действий от 27 марта 2019 г. внесла запись: *«Ходатайство Е. поддерживаю»*, которая якобы относится ко всем заявленным обвиняемым Е. ходатайствам 27 марта 2019 г., Советом отклоняется, поскольку он противоречит последовательности событий и логике вынесения процессуальных решений на стадии предварительного расследования. Совет обращает внимание, что эта запись, относящаяся лишь к одному ходатайству, была сделана адвокатом Р. в протоколе уведомления об окончании следственных действий. В этом протоколе обвиняемый Е. заявил одно ходатайство, относящееся к совершению последующего процессуального действия - ознакомлению с материалами уголовного дела и порядком реализации обвиняемым соответствующего права: *«Желаю знакомиться с материалами уголовного дела в присутствии защитников – адвокатов по соглашению Ж., Ч., К., в случае отсутствия соглашения с данными адвокатами прошу время предоставить для заключения соглашения об оказании юр. пом.»*. В этом же протоколе адвокату-защитнику предоставлено

право сделать свои записи, выражающие отношение к принятому процессуальному решению и следующим за ним процессуальным действиям, предусмотренным законом. Если же адвокат намерен заявить иные ходатайства или сделать записи, не относящиеся к данному процессуальному решению и последующим действиям, то он вправе это сделать, но должен ясно указать содержание ходатайства (заявления) с приведением фактических и правовых обоснований, соответствующих предмету заявляемого ходатайства.

В рассматриваемой ситуации адвокат Р. поддержала единственное указанное в протоколе ходатайство обвиняемого Е. о желании последнего реализовать свое право на ознакомление с материалами уголовного дела в присутствии перечисленных защитников по соглашению, а если соглашение с ними еще не заключено, то предоставить время для этого. Об этом прямо свидетельствует запись адвоката Р. «*Ходатайство Е. поддерживаю*», в которой слово «ходатайство» употреблено в единственном числе. Никаких других записей относительно иных ходатайств обвиняемого Е., не связанных с предметом указанного протокола, адвокатом Р. сделано не было.

Более того, последовательность событий и логика принятия и реализации процессуальных решений на стадии предварительного расследования свидетельствуют о том, что реакция адвоката в виде поддержки ходатайства (заявления) обвиняемого об отказе от защитника по назначению, об отказе от дачи показаний и участия в следственных и иных процессуальных действиях в отсутствие защитников по соглашению, об обеспечении их явки и предоставлении времени, достаточного для заключения соглашения об оказании юридической помощи, должна быть немедленной, именно в момент заявления обвиняемым соответствующих ходатайств. Такая реакция адвоката не имеет смысла после того, как следователь уже провел процессуальное действие, в котором обвиняемый не желал участвовать без своих защитников, и составил об этом протокол. Совет подчеркивает, что в случае заявления обвиняемым ходатайства об отказе от защитника адвокат, как указано выше, обязан поддержать его безоговорочно и в полном объеме. При этом способ поддержки защитником ходатайства подзащитного должен соответствовать процессуальному статусу адвоката как профессионального участника уголовного судопроизводства, быть верифицируемым и исключать возможность двойственного толкования позиции защитника. Адвокатская практика знает различные формы такой поддержки: совершение записи на самом ходатайстве подзащитного с приведением своей позиции и дополнительных аргументов, составление отдельного заявления или ходатайства, в котором адвокат излагает свою позицию по заявленному подзащитным ходатайству и приводит правовое обоснование и/или дополнительные доводы в поддержку, внесение замечаний в протокол процессуального или следственного действия, в котором выражается несогласие с его проведением ввиду незаконного, по мнению защитника, отказа в удовлетворении ходатайства. Совет не исключает, что возможны и иные формы поддержки адвокатом ходатайства своего подзащитного при

условии, что эта поддержка является своевременной, ясной, обоснованной и верифицируемой. Однако в рассматриваемой ситуации подобной поддержки заявленным подзащитным Е. ходатайств со стороны адвоката Р. со всей очевидностью выражено не было.

Помимо этого, Совет отмечает, что ходатайство обвиняемого Е. об отказе от адвоката Р., заявленное 27 марта 2019 г., было разрешено следователем только 29 марта 2019 г., уже после завершения всех следственных и иных процессуальных действий, проведенных с участием адвоката Р., что дополнительно подтверждает неисполнение последней алгоритма действий адвоката, предусмотренного Разъяснением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению».

Оценивая доводы адвоката Р., изложенные в ее письменных возражениях от 16 декабря 2019 г. ...на Заключение Квалификационной комиссии от 13 ноября 2019 г., Совет обращает внимание на их непоследовательность и противоречивость. Не соглашаясь с выводами Квалификационной комиссии о наличии в ее действиях дисциплинарного нарушения, адвокат Р. обращается к Совету с просьбой признать «какие-либо нарушения малозначительными, применив 6-ти месячный срок дисциплинарное производство прекратить». Совет отмечает, что вывод о малозначительности нарушения не может быть сделан при отсутствии в действиях адвоката дисциплинарного проступка, на чем настаивает адвокат Р. В свою очередь п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает, что «меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни адвоката, нахождения его в отпуске». Исчисление указанного шестимесячного срока начинается со дня, когда в соответствующую адвокатскую палату поступило обращение, отвечающее всем требованиям к допустимому поводу для возбуждения дисциплинарного производства, содержащимся в п. 1 и 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката. Обращения Е. от 27 марта и от 31 мая 2019 г. ...в отношении адвоката Р. не соответствовали указанным требованиям, в связи с чем они не признавались допустимыми поводами для возбуждения дисциплинарного производства и, соответственно, по существу не рассматривались. В возбуждении дисциплинарного производства было отказано именно по этому основанию, без какой-либо оценки действий адвоката Р. на предмет их соответствия требованиям законодательства и профессиональной этики. В свою очередь, жалоба Е. от 9 августа 2019 г. ...была признана допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства, поэтому течение шестимесячного срока, предусмотренного п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, следует исчислять с 20 августа 2019 г. – даты поступления этой жалобы в Адвокатскую палату города Москвы. Следовательно, указанный срок был соблюден, а дисциплинарное производство не подлежит прекращению по основаниям, указанным адвокатом Р. в ее письменных возражениях.

При указанных обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Р. опровергнутой, а ее вину в совершении вышеуказанных нарушений установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Р. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что оно является умышленным и грубым, нарушающим конституционное право обвиняемого на защиту избранным им защитником. Совет полагает, что недопустимое профессиональное поведение адвоката Р. наносит вред авторитету адвокатуры и дискредитирует ее перед лицами, которым оказывается юридическая помощь. Вместе с тем Совет учитывает тот факт, что действиями (бездействием) адвоката Р., не имеющей не погашенных мер дисциплинарной ответственности, не был причинен существенный вред законным интересам обвиняемого Е. в виде дачи последним показаний, которые впоследствии могли бы использоваться против него, или лишения его возможности ознакомления с материалами уголовного дела. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет приходит к выводу о применении к адвокату Р. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката...

7. Адвокату объявлено замечание за то, что в ходе свидания с доверителем, содержащимся в следственном изоляторе, он пытался вынести за его пределы два листа бумаги, содержащие рукописные записи.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е., адвоката З. рассмотрел в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 30 июля 2019 г. ...основанному на обращении начальника ФКУ СИЗО-... ФСИН России... от 24 июня 2019 г. ...в отношении адвоката З.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 октября 2019 г. в действиях адвоката З. установлено нарушение п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона... не могут быть исполнены адвокатом»), выразившееся в получении им 20 июня 2019 г. в ходе свидания от своего доверителя Т., содержащегося под стражей в ФКУ СИЗО-... ФСИН России, рукописных записей и попытке их выноса за пределы следственного изолятора.

Адвокат З. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, с выводами

Квалификационной комиссии согласился, свои действия объяснил необдуманностью.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. в заседании Совета также подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. Полностью согласившись с выводами, изложенными в Заключении Квалификационной комиссии, на вопрос членов Совета ... о том, причинили ли действия адвоката З. какой-либо реальный вред, ответила, что такими сведениями ... не располагает.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии от 23 октября 2019 г. и материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет в полном объеме соглашается с выводами Комиссии в связи с их законностью, обоснованностью и мотивированностью.

Совет признает, что Квалификационной комиссией на основании достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой, а вину доказанной, установлен факт нарушения адвокатом З. п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, вызвавшийся в получении им 20 июня 2019 г. в ходе свидания от своего доверителя Т., содержащегося под стражей в ФКУ СИЗО-... ФСИН России, рукописных записей и попытке выноса их за пределы следственного изолятора.

Так, установлено, что 20 июня 2019 г. адвокат З., прибыв в ФКУ СИЗО-... ФСИН России для свидания с содержащимся под стражей обвиняемым Т. и будучи под роспись предупрежденным младшим инспектором ... отдела режима и охраны ... о правилах проведения свиданий в следственных кабинетах с лицами, содержащимися в ФКУ СИЗО-... ФСИН России, примерно в 17.10, в следственном кабинете... взял у обвиняемого Т. два листа бумаги формата А4 с рукописным текстом и, сложив их, убрал к себе в карман.

Данные обстоятельства были зафиксированы сотрудником СИЗО... с помощью видеонаблюдения, о чем им было доложено по команде ответственному офицеру...

20 июня 2019 г. старшим инспектором ... отдела режима и охраны ФКУ СИЗО-... ФСИН России ... с участием двух понятых мужского пола в период с 17.20 по 17.32 в кабинете № ... был произведен личный досмотр, досмотр вещей, записей, находящихся при адвокате З., о чем был составлен соответствующий протокол. В ходе досмотра адвокатом З. были добровольно выданы два листа бумаги формата А4 с рукописным текстом, написанным его подзащитным Т.

Изложенные выше фактические обстоятельства не оспариваются всеми участниками дисциплинарного производства, включая адвоката З.

Давая правовую оценку изложенным выше фактическим обстоятельствам, Квалификационная комиссия справедливо отметила, что в соответствии с п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие

пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом.

Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» регулирует порядок и определяет условия содержания под стражей, гарантии прав и законных интересов лиц, которые в соответствии с УПК РФ задержаны по подозрению в совершении преступления, а также лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых в соответствии с УПК РФ избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (ст. 1).

В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 20 указанного федерального закона подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, разрешается вести переписку с родственниками и иными лицами без ограничения числа получаемых и отправляемых телеграмм и писем, переписка подозреваемых и обвиняемых осуществляется только через администрацию места содержания под стражей и подвергается цензуре, цензура осуществляется администрацией места содержания под стражей, а в случае необходимости лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело.

Частью 4 ст. 32 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» установлено, что переговоры, передача каких-либо предметов и переписка подозреваемых и обвиняемых с лицами, находящимися на свободе, осуществляются в соответствии с требованиями настоящего федерального закона.

С учетом изложенного Комиссия пришла к обоснованному выводу о том, что адвокат З. был не вправе принимать от своего доверителя Т. в ходе состоявшегося свидания два листа бумаги формата А4, содержащие рукописные записи, с целью выноса их за пределы следственного изолятора, поскольку содержащиеся в ст. 20 и 32 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» правовые положения не дают основания для вывода о возможности осуществления лицами, содержащимися под стражей, переписки с родственниками и иными лицами (включая и своих адвокатов-защитников), минуя администрацию места содержания под стражей.

Доводы адвоката З. о том, что полученные им от доверителя Т. два листа формата А4 содержат конспект их беседы и не предназначены для передачи третьим лицам, обоснованно не были приняты Квалификационной комиссией, поскольку они не соответствуют содержанию записей на этих листах.

Совет также соглашается с Квалификационной комиссией и отклоняет как необоснованные утверждения заявителя о том, что на изъятых у адвоката З. листах формата А4 имеются какие-либо зашифрованные и двусмысленные фразы, а также указания для совершения каких-либо неправомерных действий.

Более того, на вопросы членов Совета о том, что имеется в виду под «зашифрованными и двусмысленными фразами, указаниями для совершения каких-либо действий», представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. пояснила, что позиция Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве подразумевает, что любые письменные сведения, незаконно получаемые адвокатом от своего находящегося под стражей подзащитного, могут рассматриваться как зашифрованные указания для совершения каких-либо действий только по признаку незаконности их получения.

Данная позиция представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве также не может быть принята Советом как не соответствующая закону и основанная на предположениях.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката З. за совершенный дисциплинарный проступок, Совет учитывает умышленный характер данного нарушения, свидетельствующий о ненадлежащем исполнении адвокатом З. обязательных требований Кодекса профессиональной этики адвоката.

В то же время Совет учитывает, что адвокат З. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, полностью признал свою вину в установленном Квалификационной комиссией дисциплинарном нарушении, каких-либо негативных последствий от его действий не наступило. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату З. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката...

8. Дисциплинарное обвинение адвоката в том, что он отказался осуществлять защиту обвиняемого в судебном заседании, не нашло своего подтверждения, в связи с чем дисциплинарное производство прекращено.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (постановлению) судьи М. городского суда Г. от 12 сентября 2019 г. в отношении адвоката З.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 20 ноября 2019 г. в действиях (бездействии) адвоката З. не обнаружено нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, вследствие чего Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства.

Адвокат З., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился.

...Совет, изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив Заключение Квалификационной комиссии, полностью соглашается с ее выводами, основанными на верно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Дисциплинарное обвинение в адрес адвоката З. в том, что он отказался обеспечивать реализацию права обвиняемого Га. на защиту в судебном заседании, не нашло своего подтверждения.

Оценивая позицию адвоката З. о невозможности защиты Га. в судебном заседании, Совет, как и Квалификационная комиссия, основывается на требованиях законодательства и органов управления адвокатского сообщества, из которых, в частности, следует, что непринятие судом отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что адвокат З. согласно заявке... размещенной в автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ), был назначен для осуществления защиты обвиняемого Га. при рассмотрении 10 сентября 2019 г. М. городским судом ходатайства следователя о продлении Г. срока содержания под стражей. К осуществлению защиты Га. адвокат З. приступил и принял участие в судебном заседании 10 сентября 2019 г.

Из материалов, с которыми ознакомился адвокат З., следовало наличие у Га. защитника по соглашению, адвоката Б. Адвокат З. связался с адвокатом Б., и тот категорически возражал против осуществления им защиты Га.

Наличие достаточных оснований для замены имеющегося у обвиняемого защитника по соглашению на защитника, назначаемого судом, должно оцениваться назначенным адвокатом применительно к каждому судебному заседанию, в котором он участвует. В отношении судебного заседания 10 сентября 2019 г. адвокатом Б. в собственноручно написанном им ходатайстве были подтверждены факт его осведомленности о дате и времени судебного заседания и невозможности явки в указанное судебное заседание. Вследствие изложенных обстоятельств и с учетом сокращенных сроков рассмотрения судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей (ч. 8 ст. 109 УПК РФ) позиция суда, отклонившего ходатайство адвоката Б. и обвиняемого Га. об отложении судебного заседания, основания не осуществлять защиту Га. в судебном заседании 10 сентября 2019 г. у адвоката З. отсутствовали, и он ее осуществлял.

Вместе с тем при отсутствии достаточных доказательств извещения адвоката Б. о судебном заседании 11 сентября 2019 г. основания для вывода о злоупотреблении обвиняемым Г. и его защитником, адвокатом по соглашению Б., правом на защиту у адвоката З. отсутствовали, вследствие чего сделанное им заявление о невозможности осуществления защиты Га. 11 сентября 2019 г. при наличии у того защитника по соглашению было обоснованным.

В подтверждение того обстоятельства, что адвокат Б. был извещен о судебном заседании 11 сентября 2019 г. по рассмотрению ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей обвиняемого Га. в материалы дисциплинарного производства представлен только рапорт следователя... в котором тот указал следующее: «10.09.2019, в 17.57, мною осуществлен телефонный звонок защитнику обвиняемого Га., адвокату Б., на телефонный номер +7909... В ходе телефонной беседы защитник Б. был уведомлен мною о том, что при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей обвиняемого Га. судьей объявлен перерыв до 11.09.2019. В связи с этим адвокату Б. разъяснена необходимость явки 11.09.2019 г. к 16.00 часам в зал №... М. городского суда для участия в рассмотрении указанного ходатайства. 10.09.2019». Информация о заявлении следователя, сообщившего о сделанном им адвокату Б. телефонном звонке, также отражена в протоколе судебного заседания.

Однако не подтвержденное объективными доказательствами сообщение следователя в устной или письменной форме об уведомлении защитника о дате и времени судебного заседания достаточным доказательством такого уведомления являться не может. Никакие объективные доказательства в подтверждение уведомления адвоката Б. о судебном заседании, назначенном на 11 сентября 2019 г., представлены не были. Принадлежность адвокату Б. указанного в рапорте следователя... телефонного номера также ничем не подтверждена. На представленных в материалы дисциплинарного производства светокопиях ордера адвоката Б. на защиту Га. и требования о выдаче Б. для свидания в следственном изоляторе от руки указан номер телефона 8-499... отличный от указанного в рапорте следователя. Телефонный номер, указанный на сайте Адвокатского бюро «...» (город Р.), где осуществляет профессиональную деятельность адвокат Б., также иной – 8-928...

Кроме того, Квалификационная комиссия указала, что рапорт следователя... не указан в протоколе судебного заседания в числе документов, представленных следователем либо приобщенных к материалам при рассмотрении ходатайства следователя судом. Вследствие изложенного факт предъявления в ходе судебного заседания 11 сентября 2019 г. рапорта следователя... о телефонном звонке адвокату Б. вызывает обоснованные сомнения.

В силу презумпции добросовестности адвоката бремя доказывания дисциплинарного обвинения возложено на лицо, по обращению которого

возбуждено дисциплинарное производство, в данном случае на судью М. городского суда Г.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката З. не опровергнута, и им при обстоятельствах, описанных в обращении заявителя, не допущено нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката...